

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. Граевский

МОРСКОЙ УЗЕЛ

**БИБЛИОТЕКА
и ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Выпуск 27

**Пермское книжное издательство
1966**

Александр Граевский

МОРСКОЙ УЗЕЛ

Для тех, кто по зову музы дальних странствий готов отправиться хоть на край света, мир широк и многообразен. Им знакомы тысячи дорог и тропинок. Как о старых добрых друзьях вспоминают они о неизвестных многим деревушках, речках, перекатах, озерах. И пусть порой пришлось ой как нелегко, все равно — завтра они снова в пути. Их, неутомимых открывателей заповедных мест, манит неизвестное.

В этой книге рассказывается о путешествиях в некоторые заповедные места на севере Пермской области. Читатель вместе с автором побывает на стрелке между Южной Кельтмой и Джуричем, вместе с ним, преодолевая завалы, приплывет к тому месту, где от Каспийского моря до Белого буквально рукой подать. Таежный Джурич, оказывается, несет свои воды сразу в два моря. Еще немного, и вот он — Северо-Екатерининский канал, — главная цель путешествия. Читатель узнает интересную историю заброшенного канала, прикоснется к великому будущему, которое предназначено этому, пока еще глухому краю.

Один из очерков посвящен путешествию по рекам Колве, Вишерке, Березовке и Молоху. Отсюда, где находится большой водораздельный узел, шли в древности пути на любую из трех великих рек — на Печору, Вычегду, Каму.

Автор книги Александр Моисеевич Граевский — журналист. Он родился в 1920 году в Томске. С 1923 года живет в Перми. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях.

Первая книга — сборник рассказов «Поиски знаменитостей» — вышла в Перми в 1957 году. С той поры А. М. Граевский опубликовал восемь книг, его произведения печатались во многих газетах, сборниках, журналах.

Художник В. АВЕРКИЕВ

По зову музыки дальних странствий

Кама, как известно, описывает на карте огромную дугу. В самой северной точке этой дуги находится село Бондюг.

Небольшой ручеек делит село на две части. По одну сторону — старые, еще дореволюционные дома, обветшавшая церковь, приспособленная под склад, большая школа, магазины. По другую сторону — стандартные дома поселка сплавщиков, каких много за последние годы выросло в верховьях Камы и на ее притоках.

На берегу ручейка в тот погожий летний вечер красовалась щеголеватая, еще не побывавшая в переделках палатка песочного цвета. Рядом с ней лежало несколько рюкзаков и стоял какой-то уж очень городского вида чемодан в полосатом чехле.

Мы с Сергеем Афанасьевичем сидели неподалеку, на песчаном камском обрывчике, кусали жесткие травинки, курили и думали.

В палатке спала сбитая нами с панталыку молодежь. Узнав, что есть план проплыть по старому, давно заброшенному Северо-Екатерининскому каналу из Камы в Вычегду и дальше — в Северную Двину, наши молодые спутники изъявили готовность перенести любые мытарства, лишь бы побывать в этом походе. И вот — мы на старте. Уже из Перми до Бондюга добрались, уже закупили бочку горючего и лодку, уже запаслись продуктами. Завтра подремонтируем лодку, дооборудуем ее — и в путь.

Приехав в Бондюг, мы первым делом попытались кое-что разузнать о нашем маршруте. Сведения собрали такие противоречивые, что голова пошла кругом. Сидим вот сейчас и думаем, чему же верить?

«Жаль, не застали одного старика, зырянина, — заявил нам дядя, помогавший ремонтировать лодку. — Он в Канаву каждый год на лодке ездит...»

«Канал? — удивился дед, к которому мы обратились с расспросами. — Всю жизнь здесь прожил, однако не бывал. И не слыхивал, чтобы кто-то тамока ездил. Зарос давно...»

«На Лопье бываем, там у нас покосы, — рассказывал начальник сплавного участка, тоже уроженец здешних мест. — А на Джурич не ездим. По нему нельзя плавать, он сплошь забит завалами.»

Во всем этом было мало утешительного. И, что са-

мое неприятное: чаще нас уверяли в неосуществимости нашей затеи — до канала не добраться. Разве что зимой, на лыжах...

Но отступать было поздно, да мы и не собирались отступать, по опыту зная справедливость поговорки о том, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Уже на следующий день отправились из Бондюга. Лодку нам продали большую, так называемую «хватную». На такой лодке сплавщики бригадой выезжают останавливать — «хватать» — плоты. Но даже эта лодка едва вместила все наше имущество, осев по самую кромку бортов. Мы, однако, не унывали, веруя в то, что груз дорогой поубавится: продукты съедим, горючее истратим, да и сами похудеем.

На носу сделали что-то вроде крытой кладовки, запрятали там все, что боится дождя (главным образом продукты), на спальные мешки уселись сами, рюкзаки накрыли палаткой.

Плавание началось с того, что мы дважды заблудились. Кама выше Бондюга совсем не та, какой ее привыкли видеть, скажем, жители Перми. Нет, здесь она не очень широка и вся перегорожена бонами. День и ночь плывут по реке бревна, и боны не дают им заплывать на песчаные отмели, которых здесь — великое множество. Узкая лента отбойного бона порой тянется от берега до берега, оставляя лишь узенький проход, который с непривычки не сразу и найдешь.

Среди этих бонов мы и заблудились. Пришлось в одном месте вылезать из лодки и перетаскивать ее через бон, чтобы не возвращаться назад, не делать большой объезд.

Мы старались держаться ближе к левому берегу, чтобы не прозевать устье Южной Кельтмы. Вот прохо-

дим устье Пильвы. Вот еще устье... Не раздумывая, направляемся в него и, только проплыв метров двести, замечаем, что попали в какую-то курью. Течения в ней нет. Пришлось возвращаться... В настоящее устье попали, проплыв еще километра два.

Вообще начало нашего путешествия во многом подтвердило справедливость суждения о том, что если все со скрипом начинается, то зато хорошо кончается. Так оно и случилось. Первые два дня у нас было много неполадок. И мотор «барахлил», и на препятствия всякие наезжали, и чуть не заблудились. Зато уже на третий день все «утряслось», и мы поплыли вперед, твердо уверенные в успехе.

Последняя неудача постигла нас на второй день плавания. Мы уже миновали Ольховку — дальше населенных пунктов на нашем пути не будет до самого канала. Река стала меняться на глазах. Как-то незаметно исчезли перекаты, течение замедлилось. Уже не плыли навстречу бревна, пущенные молевым сплавом. Выше Ольховки лесозаготовки пока не велись.

Берега у Южной Кельтмы чаще всего низкие, болотистые. Но вот справа поднялась небольшая, поросшая сосняком, гривка. По карте определили: здесь. Да, именно здесь было когда-то селение, которое именовалось Кедровкой. Сейчас его нет, остался лишь один дом. В нем живут старик со старухой, которых нам очень хотелось повидать. Ведь, собственно, с этого старика, вернее со свидания с ним, все и началось...

В тот год Сергей Афанасьевич с группой школьников совершал поход в районе притока Южной Кельтмы — Тимшера. Двигаясь на Ольховку, они вышли к избушке старика, устроили здесь дневку. Как водится, разговорились.

Тогда-то Михаил Григорьевич (так звали деда) и

рассказал о старом канале, о том, что добраться до него можно, и даже можно проплыть по нему в Северную Кельтму, а оттуда — на Вычегду. Разговор был довольно беглый, но в душу Сергею запал.

Закончив поход, он пришел ко мне и, хитровато улыбаясь, заявил:

— Есть маршрутик...

Через несколько минут мы оба ползали по расстеленной на полу карте, время от времени издавая нечленораздельные возгласы. Муза дальних странствий уже дразнила нас и звала. Губы сами собой шептали название неведомой доселе реки: «Джурич...» А воображение рисовало заросшие кувшинками заводи, глухую, непроходимую тайгу и, конечно же, канал. Правда, какой он из себя, даже самое богатое воображение подсказать не могло.

С того дня и началась подготовка к походу. Кое-что удалось узнать, кое-какими материалами и картами мы запаслись. Ну, а если что-нибудь мы и не узнали, то утешали себя: «Вот доберемся до Михаила Григорьевича, у него все разузнаем подробно».

Но разузнать не пришлось. Двое здоровых молодых парней, приехавших, по их словам, рыбачить, дружно сообщили:

— Старик в Чердынъ уехал, старуху в больницу увез. Дня через три будет.

Вот тебе и консультация... Что же оставалось делать? Идти вперед, конечно. Только вперед. И мы пошли вперед.

Река, речка — всегда красива, в любое время года. Не знаю, как выглядит Южная Кельтма ранней весной, когда она широко разливается, топит окрестные леса, и

в ее мутные воды глядятся цветущие черемухи. Не довелось бывать на ней осенью, когда вода стынет, становится прозрачной, а по ней хороводами плывут разноцветные листья. Но летом, в начале июля, когда мы плыли по ней, она была чудо как хороша, особенно в районе от Кедровки до устья Лопыи.

Стояла та пора середины лета, которая предшествует сенокосу. Кругом все буйно росло, цвело, наливалось. Узкие полосы берегов, отвоєванные рекой у леса, зеленели мощной, в рост человека, травой. Здесь, на севере, еще цвел шиповник, цвел вместе с травами.

Река тянулась длинными прямыми плесами. Казалось, вода до краев заполнила русло и теперь никуда не торопится. В медленной, почти стоячей воде берега отражались до мельчайших подробностей. Каждое дерево, каждый куст, каждая травинка имели своего зеркального двойника, тщательно воспроизводящего все детали оригинала. Вода в Южной Кельтме темная, болотная. На ней особенно эффектно выглядели белые лилии. А было их несметное множество, целые гектары, перемежавшиеся такими же мощными зарослями желтых кувшинок. Одним словом, энергичное северное лето разворачивалось перед нами во всей красе.

Плыть среди такой красоты было так приятно, что мы уже не обращали внимания на мелочи, пытавшиеся испортить нам настроение. В частности, скоро выяснилось, что в нашей лодке имеется бесчисленное множество щелей и щелочек, исправно пропускающих воду.

Будущий инженер Рита добровольно взяла на себя не очень, может быть, утомительные, но зато страшно однообразные обязанности «водолея». Рита вообще вела себя молодцом, не хныкала, не требовала к себе особого внимания, всегда была весела и готова помочь товарищам.

Еще в Перми, когда обсуждался список участников похода, Сергей Афанасьевич категорически заявил:

— Одну девчонку возьмем обязательно. Нельзя иначе, а то одичаем.

И правда, Рита своим присутствием не давала нам «одичать», а это очень важно в длинном и трудном походе.

Безмятежное плавание продолжалось до тех пор, пока не миновали устье одного из крупных притоков Кельтмы — Лопьи. Еще с час после этого мы плыли, как и накануне (в устье Лопьи ночевали). А потом Кельтма показала нам, на что она способна. Началось все с довольно невинного травянистого переката. Протащили лодку через него, не успели вздохнуть — опять перекат. Не успели отдышаться — мель, затонувшие коряги, снова перекааты... И так — час за часом.

Километров двадцать пять пришлось пробиваться по мелководью. Шесть человеческих сил, приложенные в помощь десяти лошадиным, которые имел наш мотор «Москва», делали свое дело. На этом участке, да и позже, когда было трудно, мы оценили способности и характер Володи, студента-медика.

Этот архангельский парень, беловолосый и крепкий, точно груздь, сидел в лодке на средней скамейке, рядом с Ритой. Впрочем, «сидел» — не то слово. Он всегда был чем-нибудь занят. То помогал Рите отливать воду, то изучал карту, то потрошил какую-нибудь козьявку или бабочку, пойманную на берегу во время остановки. А когда нужно было, первым вылезал из лодки, толкал или тащил ее с полной отдачей сил, щедро вкладывал свой труд в общее дело. Он и на привалах был неугомонным — все чего-нибудь мастерил, приспособливал, старался сделать, как лучше. Делать же он умел, и топором, и пилой, и ножом владел с поморской хваткой.

Наконец река, видимо, решила дать нам отдохнуть. Снова потянулись плесы, не такие широкие и глубокие, как у Кедровки, но все же вполне позволяющие плыть на моторе. Лодка на хорошем ходу вписывается в очередной поворот, огибая зеленый травянистый мысок. И вдруг мы видим человека. Да, да, несомненно, это человек! Он стоит на берегу, невысокий, худенький, в синей застиранной одежде, в сапогах, в фуражке, из-под которой свешивается на плечи, прикрывая шею, белая тряпица.

Мы дружно заорали слова приветствия и, кажется, основательно напугали этого мужичка. Во всяком случае оживленного разговора у нас с ним не получилось. На наши многочисленные вопросы он отвечал или односложно, или вовсе не отвечал, а только смущенно улыбался. Потом уж мы догадались, что наш собеседник плохо знает русский язык.

Но главное мы все-таки узнали!

— Откуда ты, дедушка? Откуда?

Помолчав, дед негромко, высоким голосом ответил:

— Однако, Канава...

Из Канавы! Из той самой деревни, которая стоит на дальнем от нас, северном конце Северо-Екатерининского канала. А старик на лодке, рыбачить приехал, вон и сети на кольях развешены... Вы понимаете — он приехал на лодке по каналу!

Тут мы совсем затормошили старичка, норовя получить у него исчерпывающие сведения для дальнейшего плавания. Но выжали немного. На прямой вопрос, можно ли плыть по Джуричу, он покачал головой и опять же негромко произнес:

— Проплывете. — И, подумав, добавил: — Однако, почистить придется...

В тот момент мы не обратили внимания на это пре-

дупреждение. Где там! У нас уже сложилось мнение, что до канала, можно сказать, рукой подать.

Оживленно обсуждая беседу со старичком, плыли дальше. Стараясь перекрыть мотор, вычисляли, как быстро будем в Котласе. И едва успокоились, как произошла еще одна встреча. В каком-нибудь десятке метров от лодки из прибрежных кустов вдруг вынырнул лось. Не сбавляя хода, однако и без паники, он пересек речку и скрылся на другом берегу. Мы только успели заметить, что лось очень крупный, бурый. Вслед, конечно, покричали. А когда замолкли, услышали торжествующий голос Сергея Афанасьевича:

— Никуда он не убежал, здесь сидит!

Заядлый фотограф успел-таки щелкнуть фотоаппаратом, не прозевал интересный кадр.

**Редкостный
водораздел**

Белесые северные сумерки медленно опускались на лес, на узкую речку. Мы плыли весь день, порой толкая лодку на перекатах, изрядно устали.

Сидели молча и внимательно вглядывались в левый берег — все ждали, когда покажется устье Джурича. Там запланирован привал, там отдохнем. А пока приходится плыть и плыть. Сколько еще? Да кто его знает...

Вот река делает небольшой плавный поворот и уходит вдаль узким прямым плесом. Сто метров, двести, триста... И тут же общий радостный крик:

— Джурич!

От устья река видна на несколько сотен метров. Тихая река, тенистая. Она кажется нам немного таинственной. Что-то ждет нас там, впереди?..

Выяснение этого вопроса отложили до следующего дня. Ведь по Джуричу до канала предстояло проплыть километров пятьдесят. В обычных условиях не так много. Но обычных условий здесь просто быть не могло.

Очередной бивак разбили на стрелке между Южной Кельтмой и Джуричем. Ночевали в походе уже не первый раз, поэтому все пошло заведенным порядком. Быстро поставили нашу отличную палатку с толстым резиновым дном, заготовили дров, сварили ужин. И долго еще сидели у костра, «гоняя чай».

Тишина стояла кругом. Ничто не нарушало ее, даже ветерка не было. Над речками медленно струился легкий туман, предвещая погожий летний день, первый день плавания по Джуричу.

Кстати, почему эта река получила именно такое название? Несколько лет спустя я с интересом узнал, что в Югославии есть фамилия Джурич. Но какая здесь связь, и есть ли она вообще — не берусь сказать.

— Выключай!

Взгромоздившись на настил в носу лодки, Сергей Афанасьевич машет нашему старшему мотористу Юрию,

чтобы тот выключил мотор. Впереди — завал. Река делает поворот, и весь он забит корягами, сучьями, бревнами.

Первый завал. Едва успели проплыть по Джуричу с километр и сразу же натолкнулись на такое неприятное препятствие. Подбираемся к нему осторожно, потихоньку. У нас нет еще ни опыта, ни сноровки в преодолении завалов и мы их побаиваемся. Мы ведь знаем, что именно Джурич (впрочем и обе Кельтмы — Северная и Южная — тоже) сыграл немаловажную роль в том, что Северо-Екатерининский канал был заброшен вскоре после постройки. Слишком уж сложны оказались условия плавания на подступах к нему.

И вообще, надо сказать, этому каналу сильно не повезло...

...Первым высказался о возможности соединить бассейны Камы и Печоры известный деятель «гнезда Петрова» Василий Никитич Татищев, основатель Перми и многих уральских горных заводов. Есть сообщения, что эту мысль подали ему пленные шведские офицеры во время пребывания Татищева в Соликамске. В 1721 году Татищев представил президенту берг-коллегии Брюсу проект перенесения Ирбитской ярмарки на Исетский завод, аргументируя это тем, что последний расположен более удобно, имеют лучшие пути сообщения — по рекам. Есть отсюда (из теперешнего Свердловска) и путь в Архангельск — по Чусовой и Каме. «Что же из Камы в Двину, мню, что вашему превосходительству известно, в уезде Соли Вычегоцкой есть озеро, из которого вышло две реки Килтмы, одна пошла в Каму, другая в Вычегду, и весной суды проходят свободно с хлебом четвертей по пятидесят. И которые ехали швецкия офицеры разумеющие, сказывали мне, что разве на версту, а не больше дву почистить мхи и зделать слюза три или

четыре, то все лето з добрыми судами проход будет свободной...»

Историк М. Н. Мартынов сообщает, что в 1724 году начальник уральских горных заводов де Геннин доносил Петру I о том, что трасса будущего канала уже осмотрена геодезистом Молчановым и «одобрена бывальыми людьми». Однако строительство в те годы так и не началось, ибо, как считает Мартынов, «Петр был против оживления торговли Архангельского порта».

В царствование Екатерины II был издан, наконец, указ о сооружении канала между бассейнами Белого и Каспийского морей. При этом подчеркивалось, что новый водный путь будет иметь громадное значение, соединив Юго-Восточную Русь с Архангельском и северными странами.

В 1785 году работы на канале, нареченном в честь царицы Северо-Екатерининским, начались. Топором, пилой, лопатой прокладывали крепостные строители новую водную трассу. Прорубали просеки, расчищали реки от заломов и карчей, строили подсобные и жилые помещения, начали земляные работы на самом канале. Но уже в 1787 году все работы прекратили — началась война с Турцией.

В мае 1801 года царь Александр I дал указание пермскому губернатору возобновить работы на канале. Они продолжались до 1812 года и опять были приостановлены из-за войны, на сей раз с Наполеоном. Наконец, в 1817 году третий раз появились на канале рабочие. Дело довели-таки до конца — в 1822 году канал, как теперь говорится, ввели в строй действующих.

Длина его составляла 16 верст 322 сажени (около 18 километров) и он соединял реку Джурич — приток Южной Кельтмы — с рекой Северной (или Зырянской, как тогда называли) Кельтмой. На канале возвели три

шлюза и один водоспуск, укрепили откосы, построили целую деревню, которая сейчас называется Канава, и, конечно же, — церковь (постройка ее, как сообщает один историк, обошлась в 4115 рублей 43 копейки). Итак, все было готово для того, чтобы двинуть поток грузов с Урала на Двину.

В первые годы через канал проходило различных грузов на сумму около 800 000 рублей. Но уже вскоре эта цифра упала до 25 000. Дело в том, что хотя за время строительства не раз чистили обе Кельтмы и Джурич от завалов и карчей, условия плавания по ним были очень сложными. Каждое половодье оставляло новые завалы, а летнее мелководье вообще создавало непреодолимые препятствия. И водный путь быстро хирел. Уже в 1838 году на него махнули рукой, забросили.

После этого несколько раз предпринимались попытки восстановить судоходство по каналу, но каждый раз безуспешные. Последний раз вспомнили о нем в годы первой мировой войны, когда остро встал вопрос о связях с союзниками через северные порты, в частности, через Архангельск. Вновь появились на берегах Джурича рабочие — расчищали русло, ремонтировали канал. Но и эти работы не довели до конца — Октябрьская революция выдвинула новые, куда более актуальные, проблемы.

Да, не везло этому водному пути, сильно не везло... И коварную роль в этом «невезении» сыграл Джурич — река извилистая, мрачная, во многих местах перегороженная завалами и упавшими деревьями.

Вот по этой-то реке и предстояло нам теперь плыть. Не удивительно, что к первому завалу мы приблизились, можно сказать, с трепетом.

При помощи заблаговременно припасенных еще в Бондюге багров довольно быстро расчистили себе про-

ход. Проплыли сотни две метров — опять завал. На сей раз действовали более уверенно. В третьем завале обнаружили пропил — жители Канавы, которые ездят на Южную Кельтму рыбачить, пропиливают узкие проходы в завалах для своих легких лодок-осиновок.

Дальше дело пошло споро. Подплывая к завалу, мы сразу же искали пропил и, помогая баграми, протискивались через него. Правда, в двух местах «фокус не удался». Пришлось все же вылезать из лодки и действовать поперечной пилой (благо, захватили ее!).

Однако, как говорится, нет предела совершенству. Нашего моториста Юрку такая езда — от завала к завалу — «на тормозах» не устраивала. Он вырос на Чусовой, с детства привык возиться с лодочными моторами и выжимать из них все, на что они способны. Поэтому, увидев однажды, что завал впереди вроде не очень страшный, он разогнал лодку и на полном ходу проскочил через плавающие бревна, успев, однако, в последний момент быстренько поднять мотор, чтобы уберечь винт.

Мы и ахнуть не успели, а когда опомнились, дружно повернулись к Юрке и начали грозить ему кулаками. Он же в ответ только смеялся — большой, загорелый, белозубый, с выгоревшими на солнце волосами. Он вообще много смеялся, этот будущий зубной врач. И жаль его было порой. Мы, сидевшие впереди, могли разговаривать, хотя бы срываясь на крик. А Юрка, сидевший на руле, ничего, кроме шума мотора, не слышал. День-деньской сидеть так, не имея возможности перебраться словечком с другими — занятие не из приятных и для менее общительного человека, чем Юрка. Может быть, поэтому, проскочив очередной завал, он оглашал окрестности диким «тарзаньим» воплем, брал реванш за вынужденное молчание.

Именно на Джуриче мы убедились в недюжинном Юркином мастерстве. Порой он вел лодку, по его выражению, «слаломом». Река извилистая, завалов много, и приходилось «вписываться» в струю, чтобы подплыть к завалу в наиболее удобном месте. Юрка делал это лихо, с блеском. Стоявший на носу Сергей Афанасьевич после каждого удачного маневра показывал нашему мотористу большой палец. А если тот чересчур «лихачил», Сергей Афанасьевич грозил ему кулаком, правда, уже после времени.

Но, несмотря на все Юркино мастерство, мы имели полную возможность убедиться в том, почему Северо-Екатерининский канал так быстро забросили. Плыть по Джуричу даже на лодке нелегко. Что уж говорить о других, более крупных судах, о перевозке грузов.

Джурич — настоящая таежная река. Течет она в такой глухомани, в которой, как говорится, черт ногу сломит. По берегам стеной стоит угрюмый, будто затаивший тяжелую думу, лес. Вода, особенно в половодье, подмывает корни деревьев и они повисают над рекой причудливыми арками, а потом падают в нее, создавая все новые и новые завалы. Берега болотистые, куда ни ступишь — всюду хлупает вода.

Вода в Джуриче, как и в Южной Кельтме, темная, болотистая. А вот лилий уже нет, видимо, им тут плохо живется.

За день мы не успели проплыть по Джуричу до канала, пришлось остановиться на ночлег. Выбрали небольшую, заросшую травой, малинником и смородиной гривку, причалили. Рита только сунулась в малинник, как сразу выскочила обратно. Судя по следам, там еще совсем недавно лакомился ягодами топтыгин.

Следов на берегах Джурича вообще великое множество. На илистых прибрежных отмелях оставили свои «визитные карточки» и лоси, и волки, и медведи, и бог знает кто еще. Кстати, именно в этих местах мы встретили еще одного лося. Он, спасаясь от жары, комаров и оводов, залег прямо в речку, на мелководье. Нас подпустил метров на двадцать, после чего неуклюже поднялся и вовсе не спеша ушел в лес. Вид у него был при этом недовольный.

Часто перед лодкой взлетали утки. Они всегда поступали одинаково: пролетит несколько десятков метров, сядет на воду, подождет, пока мы подъедем поближе, снова взлетит, снова сядет и так — до ближайшего поворота. За поворотом утка взмывала вверх и возвращалась назад, наверно, очень довольная тем, что ей удалось увести непрошенных гостей подальше от своего выводка.

Удивляться обилию зверья и птицы в здешних местах не приходится. Ведь на всем протяжении Джурича нет ни одного населенного пункта. Люди бывают здесь редко, и лесные обитатели чувствуют себя полновластными хозяевами и болот, и озер, и всего окружающего реку леса.

Нам вообще в том походе везло на погоду. И вот снова выдался солнечный, жаркий, настоящий июльский денек. Берега Джурича начали постепенно меняться. Мрачный хвойный лес отодвинулся, отступил. На берегах потянулись неширокие полосы, заросшие травой. За ними веселыми рядами выстроились молодые и какие-то очень кудрявые березки.

Джурич петлял по-прежнему, но куда-то исчезли завалы, да и вся природа вокруг стала приветливей, краше, сочнее.

Вот еще один изгиб. Слева надвигается довольно

высокий, буйно заросший травой пригорок. Сразу же за ним река круто поворачивает вправо. А далеко-далеко, до самого горизонта потянулась широкая просека, обрамленная могучими березами. Глаз уже просто отвык схватывать такую далекую перспективу...

— Смотрите, люди!

Там, на большой луговине, от которой берет свое начало просека, видна группа людей в белых рубахах и платьях. Рядом несколько низеньких, прямоугольных, похожих на ящики, палаток-пологов.

Юрка сбросил газ, и мы, преодолев небольшой перекатик, медленно приближаемся к берегу. Мотор работает тихо, его сейчас легко перекричать. Может быть, поэтому так звонко разнеслось над рекой:

— Братцы! Да ведь это канал!

Канал? Северо-Екатерининский канал? Мы еще не очень верим этому предположению. Да, видна какая-то широкая протока, у самого входа в которую раскинул метелки цветов громадный пикан, или как еще его зовут — дудник. Через протоку — мостик и бревна. Вроде ничего похожего на какое-то гидротехническое сооружение.

Но еще не пристав к берегу, мы поняли — это, действительно, канал. Верней, то, что от него осталось. Только люди могли прорубить такую широкую и прямую, уходящую за горизонт, просеку. Только люди могли проложить по ней такое прямое русло. А березы выросли на месте старых вырубок.

Лодка мягко толкается в берег. Вылезая из лодки, идем к людям, которые, перестав косить, наблюдают за нами. Поздоровались, стали знакомиться.

Тут же нам подтвердили, что мы приплыли к истоку Северо-Екатерининского канала. Люди, встретившиеся здесь, оказались колхозниками из деревни Канава, ко-

торая находится на другом конце канала, в восемнадцати километрах отсюда. Здесь у колхоза покосы, причем, если можно так выразиться, «заграничные». Ведь деревня Канава находится в Коми АССР, а истоки Северо-Екатерининского канала — в Пермской области. Такое «нарушение границы» никого, конечно, не обижает, но все-таки случай довольно забавный.

Но нас интересует другой «случай» — географический. И мы смотрим на редкостное явление природы во все глаза. Не каждый день и не каждому доводится увидеть такое...

С детства, со школьной скамьи знакомились мы с понятием: водораздел. И, как правило, оно крепко увязывается в сознании с горными хребтами, с возвышенностями. С одних склонов текут ручьи и речки в одну сторону, с других — в другую. По середине — водораздел, разделяющий две речные системы. Все просто и понятно.

Но как разделить, где найти границу здесь, на Джуриче? Сам он течет на юг, впадает в Южную Кельтму, приток Камы. Иначе говоря, принадлежит к рекам бассейна Каспийского моря. А от него уходит на северо-запад Северо-Екатерининский канал. И часть воды из Джурича самотеком, теперь уже без вмешательства человека, течет по этому каналу в Северную Кельтму, которая впадает в Вычегду. Иными словами говоря, часть воды из Джурича питает другую морскую систему — Белого моря.

Не знаю, есть ли где-нибудь на земле подобные места. Но думаю, что даже если они и есть, то их очень немного. Черт возьми! Стоило мучиться на перекатах, изнывать под солнцем, мокнуть от росы, кормить комаров! Ведь довелось увидеть уникальное явление!

Правда, в скобках стоит заметить: водораздельный район бассейнов Камы, Печоры и Вычегды вообще ха-

рактен тем, что здесь порой из одних и тех же болот берут начало речки, текущие в разные моря. Но все же такой «казус», когда одна и та же речка несет свои воды в два моря сразу, найти трудно.

**По старому
каналу**

Отдохнув и искупавшись в Джуриче, мы смело вошли в канал. Сначала плыли даже пользуясь мотором, но вскоре эту затею пришлось оставить. Чем дальше, тем канал становился уже и мельче, вполне оправдывая местами то название, которое уже давно дали ему местные жители, — канава. Пришлось браться за весла и шесты.

Километра через три сравнительно благополучного плавания увидели полузаросшую просеку. В начале ее, на берегу, стояли два серых от времени столбика, на которых были нанесены малопонятные для непосвященных цифры и знаки, обозначающие, что по этой просеке проходит граница лесничества. Вот эта просека «по совме-

стителству» и обозначает также границу между Пермской областью и Коми АССР. Покинув «родную сторонку», двинулись дальше.

Сергей Афанасьевич предложил совершить пешую экскурсию на озеро Розовое, которое находится метрах в 300—400 от канала. Сидеть в лодке целыми днями уже порядком надоело, и это предложение встретили с энтузиазмом.

Десяток минут ходьбы по зыбкой торфянистой тропке, и перед нами открылось озеро. К самому берегу можно выйти лишь в одном месте — кругом болото. Озеро совершенно круглое, берега его заросли лесом. Тишина здесь стоит прямо-таки первозданная. Озеро хорошо укрыто от ветров, и зеркало его лежит чистое, неподвижное, отражая в себе и облака, и кудрявые березы, и светлые осинки.

Я не утерпел и решил попробовать здесь рыбацкое счастье. Но сколько ни махал спиннингом, посылал блесну то под один куст, то под другой, кроме тины, ничего с крючков не снимал. В итоге всей этой затеи вместо обещанной ухи дал лишь пищу сначала комарам, а потом острословам. Ни те, ни другие меня не пощадили...

Вернувшись к лодке, двинулись дальше. Вскоре подошли к тому месту, где когда-то был сооружен первый (считая от Джурича) шлюз. Как нам потом сказали в дереве Канава, позже на этом месте стояла мельница. Не знаю, от шлюза ли, от мельницы ли, но остатков было много. В воде торчали почерневшие, замшелые бревна, какой-то настил из досок. Все это было ветхое, сгнившее, трухлявое. В проломах настила темнела глубина.

Битый час надрывались мы, стараясь проташить лодку через шлюз. Мотор здесь помочь не мог, приходилось рассчитывать лишь на собственную силенку. И это бы

ничего, вытащили бы как-нибудь, да все осложнилось дополнительными неудобствами. Тянуть лодку, балансируя на скользком бревне, в полную силу никак не удавалось. А на настил боязно было ступить — он угрожающе трещал и проламывался.

Надвигался вечер, а вместе с ним неприятная перспектива — разгружаться, переносить вещи, горючее, мотор сухим путем, а потом уже, на облегченной лодке форсировать трудную преграду.

Так бы, наверное, и сделали, если бы не проходил мимо какой-то мужичок из Канавы. Поглядев, как мы мучаемся, он крикнул:

— Не бойтесь, тут мелко!

Мы сначала не поняли, о чем идет речь, но потом сообразили: под настилом — мель. Смело взошли на него и если кое-где проваливались, то только до колен. Уперлись покрепче, навалились подружней, припомнили традиционное «Эй, ухнем!», и лодка наша мигом выскочила на чистую воду. Мы расхохотались, и долго еще подтрунивали друг над другом, припоминая напрасные страхи.

Уже темнело, волей-неволей пришлось заночевать, не дойдя до Канавы. Тем более, и место для ночлега было очень подходящее — крутой и сухой холм, оставшийся от вала, которым когда-то был обнесен канал. Рядом — ручеек, впадающий в канал и уж, конечно, сколько угодно дров.

У нас, несмотря на усталость, было прямо-таки преточное настроение. Отпали сомнения в том, что не сможем проплыть по каналу, убедились воочию, что он действительно существует. Казалось, что самое трудное позади, дальше пойдет легче. В этом мы несколько ошиблись, однако в тот вечер нам было весело. У костра много шутили, смеялись, «заводили» друг друга.

Особенно доставалось нашему второму мотористу Рудiku. Молодой парень, недавний десятиклассник, а теперь рабочий, он был порядочным увальнем. Спешить, особенно в начале похода, не очень любил. А при наших постоянных авралах — то лодку толкать, то завал разрубать, то лагерь готовить — такое качество, мягко выражаясь, не очень котиривалось.

Парень привыкал к походной жизни трудно, не все ему давалось. К чести его надо сказать, что он менялся на глазах, становился общительней, подвижней, близко к сердцу стал принимать общие дела. Вот только не везло ему частенько.

В этот день Рудика укусила в глаз какая-то муха. Глаз быстро запух, веки и щека вздулись. А тут еще вымокли мы порядочно, перебираясь через старый шлюз. Сушились после этого все вместе, но сжечь куртку-штормовку сумел только Рудик. Да так сжечь, что от нее буквально один ворот остался.

Утро следующего дня наступило свежее, росистое. Привычно загрузив лодку, взяли курс на Канаву. «Взяли курс» это, конечно, слишком громко сказано. Никакой курс тут брать не надо было — канал вел прямо-хонько к деревне. Но с каждым километром двигаться по нему становились все трудней и трудней.

Что только мы не выдумывали! Местами, где чуть поглубже, включали мотор. Где можно было — толкали лодку. Но дно и берега здесь вязкие, брести по ним — сущее мученье. Тогда сделали бечеву, употребили старый бурлацкий способ. Так, отвоевая каждый метр, шли к цели.

Наконец вдали показались первые строения. В бинокль отлично были видны дома и сарай. Но... близок локоть, да не укусишь. Плыть стало просто невозможно. Надо было что-нибудь придумать.

Собственно, выход был один — разгружать лодку и тащить груз на себе. Но делать это — ох, как не хотелось! Мы и без того умаялись порядком.

Не знаю, что бы мы в конце концов предприняли, если бы на берегу не появился высокий худощавый мужчина. Подойдя поближе, он остановился и стал наблюдать за нами. Бросив бесполезные попытки сдвинуть лодку с места, мы подошли к нему.

После первых приветствий разговорились. Мужчина оказался председателем здешнего колхоза, звали его Дмитрий Кондратьевич. Мне еще раз пришлось встретиться с этим человеком, и обе встречи оставили самые лучшие воспоминания. Хороший мужик Дмитрий Кондратьевич — спокойный, деловитый и душевный.

Он сказал нам, что немало был удивлен, увидев нашу лодку. На его памяти последний раз из посторонних проплыла по каналу со стороны Северной Кельтмы на маленьком катерке какая-то экспедиция еще в 1936 году. С тех пор никто не бывал. Это сообщение очень польстило нашему тщеславию.

Дмитрий Кондратьевич, видя затруднительное положение, в которое мы попали, предложил помощь. Он ушел в деревню и вскоре вернулся на лошади, запряженной... в сани. Да, да, именно в сани. Великое изобретение человечества — колесо, здесь, в болотном краю, не находит применения, дорог, подходящих для него, нет. Выручают волокуши да сани.

Как бы там ни было, нас не нужно было упрашивать воспользоваться предложенной помощью. Мигом нагрузили сани, в лодке оставили Юрку с Володией, а сами пошли налегке и вскоре были в Канаве. Следом за нами подошла и лодка.

Первыми нас встретили вездесущие ребяташки. Целыми стайками кружились они возле нас, как и везде —

очень любознательные. Быстрей других нашла с ними общий язык Рита, и вскоре возле нее собралось десятка два юных жителей Канавы.

Мы же в это время готовились к дальнейшему походу. Прежде всего — в магазин. Наши продовольственные запасы уже порядком истощились и пополнить их было просто необходимо.

Немного, наверно, деревень, дата возникновения которых так же точно известна, как дата возникновения деревни Канава. Когда в 1785 году начали работы по сооружению Северо-Екатерининского канала, то у северного его окончания, на берегу Северной Кельтмы, возвели, как сообщают историки, служебные помещения, казарму и «40 обывательских строений для переселившихся сюда крестьян». Сообщается также, что «поселок у северного устья канала получил название деревни Канавской».

Название деревни с годами изменилось, а сама деревня осталась, стоит крепко, несмотря на то, что канал, у которого она возникла, давным-давно заброшен.

Мы осмотрели деревню, заходили в дома. Живут здесь в достатке, чисто. В избах — электрический свет от своего движка, радиоприемники, сепараторы, много мебели. Есть клуб, а рядом с ним — волейбольная площадка. Здешняя молодежь, как правило, в города не уходит, живет и работает в родной деревне. Колхоз имени 1 Мая — животноводческий, доходы имеет неплохие, да, кроме того, все жители деревни — профессиональные охотники.

Мы путешествовали в 1960 году. Тогда только начались разговоры о проекте переброса части стока северных рек Печоры и Вычегды в Каму и Волгу. Еще не вышли на трассу изыскатели, еще тихо было в Канаве. Через три года все изменилось, все стало по-другому... Но об этом — ниже.

Проведя в деревне несколько часов и поблагодарив гостеприимных хозяев за радушие и помощь, мы вывели лодку в Северную Кельтму, которая в этих местах, у Канавы, имеет довольно невзрачный вид: и узка, и мелка. Путь по ней предстоял немалый. До ближайшей деревни Кирды сорок километров, от нее до следующего населенного пункта — еще сто двадцать.

**Путь
на Вычегду**

Чего мы с нетерпением ждали в начале плавания по Северной Кельтме, так это появления ее притоков. Каждый, даже маленький ручеек, впадающий в реку, встречали с восторгом: все надеялись, что фарватер станет, наконец, глубже.

Но вот проплыли устья довольно крупных речек, позади остались Окос, Воль, Воча, а Северная Кельтма не становилась глубже. Казалось, вся вода, поступающая из притоков, шла лишь на то, чтобы тонким, ровным слоем покрыть песчаное ложе реки.

Именно на Северной Кельтме родилась формула, определяющая суть нашего плавания: «Только сядешь — вылезай! Только вылез — залезай!»

И действительно, не успеешь проплыть метров двести, как приходится прыгать в воду, толкать лодку. При этом нужно держать ухо востро: песчаная отмель, как правило, совершенно неожиданно сменяется крутым подводным откосом, и горе тебе, если зазевался. Лодку подхватывает течение и догонять ее приходится чуть ли не вплавь.

Шла к концу вторая неделя похода, мы порядком устали. Не располагало к хорошему настроению и то, что все время приходилось мокнуть. Раздетым сидеть в лодке — холодно, особенно утром и вечером. Все время раздеваться и одеваться — времени нет. Поэтому в воду прыгали прямо в одежде.

Все это, повторяю, начало влиять на настроение. И тут нельзя не сказать добрые слова в адрес нашего командора. Опытный путешественник, настоящий «туристский волк», исходивший вдоль и поперек всю область, да и не только ее, он умел в самую трудную минуту снять напряжение удачной шуткой, искренней похвалой, своим всегда ровным и всегда хорошим настроением. Когда надо, Сергей Афанасьевич проявлял твердость, особенно если дело касалось соблюдения графика похода. Тут уж никому поблажек не было, и как ни хотелось иной раз понежиться в спальном мешке, вытряхивал командор из него самым решительным образом.

Он за время похода ни на кого из нас не повысил голос. Но при этом никогда не закрывал глаза на наши промахи, учил молодежь всему, что пригодится в походной жизни, а когда тяжело, действовал прежде всего личным примером.

На Северной Кельтме было тяжело. Река эта оста-

вила какое-то скучное, тягучее впечатление. Не знаю, почему так случилось, ведь и здесь были интересные встречи, разные происшествия, без которых не обходится ни один поход.

Интересным, к примеру, было посещение деревни Кирды. Мы подъехали к ней днем. Деревенька небольшая, меньше десяти домов. Перед одним из них увидели группу людей. Две женщины крутили ручку громадного, грубо сделанного точила. Крепкий, коренастый парень в белой рубашке и с платком на шее точил косу-косулю. Что до меня, то я впервые увидел эту косу — ручка у нее очень короткая, косить неудобно, приходится работать в наклон. Почти повсеместно косулю давно уже вытеснила коса-литовка. Но здесь, на севере, она все еще осталась — среди кустарников и кочек ею действовать все же сподручней.

В Кирде мы задержались недолго. Поговорили об условиях плавания по Северной Кельтме, не узнали ничего утешительного и отправились дальше.

Однажды у нашего костра заночевал местный охотник. Небольшого роста, уже пожилой, но еще крепкий, он очень интересно рассказывал об охоте на медведей. В этих рассказах звучало искреннее уважение к сильному и умному зверю, завидное знание его повадок и привычек. И было ясно, что убить медведя не только не простое дело. Это еще и удача.

Рассказывал охотник неторопливо, с большими паузами. Мы сидели у костра, вокруг на десятки и сотни километров раскинулась черная ночная тайга с ее таинственными шорохами, потрескиваниями, какими-то другими неведомыми и непонятными звуками. Не скажу, что было страшно. Но все же казалось, что хозяин тайги где-нибудь здесь, неподалеку...

Северная Кельтма, впрочем как и те реки, по кото-

рым мы плыли до этого, очень извилиста. На каждом повороте коварные песчаные косы, мели. В песке много полузанесенных коряг, которые с лодки не сразу разглядишь.

В одном месте затонувший здоровенный пень сыграл с нами довольно злую шутку. Мы налетели на него с полного хода. Юрка сразу же сбросил газ, но было поздно. Лодка влезла на пень, течение тут же развернуло ее, наклонило на один борт. Мы все инстинктивно наклонились к другому борту, в результате зачерпнули им порядочную дозу воды. На момент лодка выпрямилась, потом черпнула другим бортом и, как говорят моряки, на прямом киле пошла ко дну.

Пришлось срочно выскакивать, благо воды было только чуть выше пояса. Лодку подняли на руках, отвели к берегу. Все наши вещи безнадежно промокли (удивительно, как быстро это происходит!), и пришлось раскладывать на берегу все, вплоть до денег и документов. Тут Юрка и Рудик обнаружили пропажу заветного чемоданчика с инструментом и запасными частями, и сразу же загрустили. Действительно, вещь совершенно необходимая, а искать ее в реке — почти то же самое, что искать иголку в стогу. Как-никак, воды по грудь, да и мутновата она.

Делать, однако, было нечего. Отправились наши мотористы на мелко-водолазные работы. И не прошло пяти минут, как Юрка торжествующе загоготал на всю округу, подняв над головой мокрый чемоданчик. Повезло, конечно, парню. Вместе с ним повезло и нам — без инструмента мы бы, наверно, далеко не уплыли.

Селений на берегах Северной Кельтмы, кроме Кана-вы и Кирды, нет. Но по всему было видно, что где-то недалеко находятся лесоучастки. Чем ближе к устью, тем чаще появлялись на песчаных откосах штабеля бре-

вен. Возле одного такого штабеля повстречались два рыболова. Они подтвердили, что в нескольких километрах от берега находится поселок лесозаготовителей. Сегодня воскресенье, вот они и пришли порыбачить. Должно быть, в доказательство своих серьезных намерений на этот счет один из них у нас на глазах выволок вполне приличного язенка. Даже завидно стало. При нашем уплотненном графике движения мне никак не удавалось как следует половить рыбы, хотя снасти вез в большом количестве...

Горизонт, до этого со всех сторон стиснутый лесом, постепенно начал отступать. Вдали впервые за много дней замаячила какая-то возвышенность. С каждым часом она все приближалась. Прикинули по карте, что бы это могло быть, и поняли — там Вычегда.

Через несколько часов, проплыв мимо оставшегося в стороне села Керчемья, мы имели возможность убедиться в своей правоте. Вычегда, в отличие от Северной Кельтмы, течет в высоких берегах. Да и больше она значительно, даже здесь, на несудоходном летом участке. Правда, берега и у нее песчаные, и перекастов на ней порядочно. Но все же это уже солидная река с ровным и сильным течением.

В половодье Вычегда, видимо, разгульно действует, подмывая и разрушая берега, часто меняет русло. Поэтому так много на ней стариц и заливных озер.

Тридцать пять километров от устья Северной Кельтмы пролетели как-то незаметно. На правом берегу появились сначала домики, а потом и большие дома районного центра Коми АССР — Усть-Кулома. Юрка лихо развернул лодку рядом с пристанью, и, причалив, мы поздравили друг друга с «прибытием в цивилизацию».

Знакомство с «цивилизацией» пришлось начать с поисков пекарни. Прибыли мы вечером, магазины уже не работали, а хлеба у нас на ужин просто-напросто не было ни крошки. Да, прав был Сергей Афанасьевич, требуя соблюдения графика!

В пекарне мы никого не застали, кроме пожилой и очень сердитой сторожихи. Она долго ругала нас за то, что мы притащились из такой дали на ночь глядя. Но в конце концов сменила гнев на милость и дала адрес заведующей. Та, выслушав нас, тут же собралась, сходила с нами в пекарню и снабдила несколькими буханками. От души поблагодарив ее, отправились мы с Сергеем Афанасьевичем на берег, где наша молодежь уже давно от голода пощелкивала зубами.

Тот вечер провели как-то особенно хорошо. Сознание того, что самая трудная часть похода уже позади, было приятным. Дальше все должно быть проще, ведь дальше мы поплывем уже по населенным местам. И хотя конечная цель похода — Архангельск, в случае осложнений его можно будет закончить и раньше, где-нибудь в Сыктывкаре или Котласе.

Поев, долго сидели у костра, устроив сначала вечер воспоминаний, а потом — концерт самодеятельности. Чтобы не очень привлекать внимание, пели вполголоса. Пели сольные партии и дуэты. Пели и хором. Поскольку все участники этого концерта были одновременно и слушателями, недовольных не было. И спать отправились далеко за полночь.

Утро принесло много хлопот. Нужно было обязательно запастись горючим и продуктами. Юрка мечтал раздобыть какую-то втулку, без которой наш мотор превратится в мертвый груз. Лодка наша требовала ремонта, после многочисленных перекатов и завалов она начала пропускать воду прямо-таки катастрофически. Рудик

не грех было запастись какой-нибудь одежонкой взамен сторевающей куртки. И нельзя было не воспользоваться возможностью сообщить домой о том, что у нас все обстоит благополучно: почтовых отделений не встречали уже давно.

Так и отправились — каждый по своим делам. Как всегда, больше всех повезло Юрке. Он тут же, на берегу, нашел старую автомобильную шину и из нее вырезал нужную втулку. Покопался после этого в моторе и boldly доложил о готовности к дальнейшему плаванию.

Володя занялся лодкой. Мы общими усилиями перевернули ее, а он начал конопатить днище. Не удовлетворившись этим, нарезал из консервных банок железные полоски и прибил их там, где было больше щелей. Сергей Афанасьевич отправился добывать горючее, Рита — продукты, а я пошел в райисполком, чтобы побеседовать там с председателем.

Председатель райисполкома Михаил Васильевич принял очень любезно, рассказал много любопытного. Здесь, в Усть-Куломе, с большим интересом слышали о проекте соединения Вычегды и Печоры с Камой. По проекту, который тогда был опубликован в печати, как раз в Усть-Куломе Вычегду должна была перегородить плотина, которая создала бы водохранилище. Усть-Кулом — крупное село, в нем находится управление комбината Усть-Куломлес, лесозавод, кирпичный завод, РТС. Строительство плотины открывало бы перед ним широкие перспективы, не грех бы ему тогда и городом стать. Поэтому понятно оживление, с которым Михаил Васильевич рассказывал об этих перспективах. Он увлекался, подходил к большим окнам и показывал новые кварталы поселка сплавщиков, место, где предполагалось построить плотину, трассу хорошей дороги, которая должна связать Усть-Кулом с Сыктывкаром.

Отсюда, с высоты второго этажа, село выглядело очень привлекательно. Какой-то особенно приятный колорит придают ему большие двухэтажные, обшитые тесом и покрашенные дома.

Пообедав в столовой (для разнообразия, как уверяли мы друг друга, стараясь не говорить о том, что мыть котелки — не самое приятное занятие), мы вырулили на середину реки. Вычегда подхватила нас и понесла вниз, на север, к слиянию с Северной Двиной.

Мимо проплыла чистенькая, аккуратная и совсем безлюдная, вроде бы заброшенная пристань. Позже мы убедились, что их немало на верхней Вычегде, но все они летом бездействуют. Регулярного судоходства выше Сыктывкара по Вычегде в малую воду нет, только мелкосидящие самоходные баржи да небольшие катерки отваживаются здесь плавать. Зато ниже Сыктывкара река становится оживленной. Особенно много здесь проходит барж, груженных прекрасным пиленным лесом, который идет в Архангельск, а оттуда — на экспорт. Проплывет такая баржа мимо, и долго еще над рекой стоит ни с чем не сравнимый запах пиленого леса...

Во время плавания по Вычегде мы увидели и узнали много, не раз у нас случались большие и маленькие приключения. Любовались бывшим Ульяновским монастырем, место для постройки которого выбрано так удачно, что его видно за два десятка километров. Попали в грандиозную грозу, перед наступлением которой мне удалось-таки отыгаться на вычегодских голавлях за все свои рыбацкие неудачи. Побывали в музеях Сыктывкара и Сольвычегодска. Чуть не утонули, едва увернувшись от идущего навстречу парохода. Много перепели песен и много раз ночевали на свежескошенном, див-

но пахнушем сене. Одним словом, нам довелось и на Вычегде испытать все прелести походной жизни.

В Котласе, уже на Северной Двине, кончилось мое плавание. Спутники мои поплыли в Архангельск, а я вернулся в Пермь железной дорогой. Позже, осенью, мы собрались вместе и долго вспоминали все подробности нашего путешествия.

Но все же самые большие впечатления и самые хорошие воспоминания остались о многих десятках километров, которые мы прошли по безлюдному и дикому пока краю. Красив этот край, красивы его реки, красивы его люди. И приятно сознавать, что мы сумели в нем побывать, несмотря на немалые трудности.

**Еще раз
Джурич**

— Возьмите меня с собой!

Этот крик души вырвался у меня прямо-таки непроизвольно, когда два моих однокашника по университету, а ныне научные работники-археологи пришли, по их словам, за тем, чтобы получить консультацию — как

проплыть по Южной Кельтме, Джуричу и Северо-Екатерининскому каналу.

Научные работники — Владимир Антонович и Владимир Петрович — после моего слезливого заявления переглянулись и со свойственной их профессии осторожностью, в довольно туманных выражениях дали понять, что, мол, в этом варианте ничего невозможного нет. Дескать, должность старшего научного сотрудника они в силу отсутствия вакансий предложить не могут, но вот о должности рабочего, если он к тому же сойдет за проводника, можно подумать.

Брать на себя обязанности проводника было, конечно, рискованно. Но (где наша не пропадала!) желание побывать еще раз на далеком канале взяло верх над благоразумием. Пришлось тут же заявить, что путь знаком мне не хуже, чем дорога до собственной квартиры. Поверить мне, кажется, не очень поверили, но и не возражали. В итоге соглашение о моем участии в экспедиции состоялось.

Выехали мы в начале июня. Пермь провожала нас... снегом. Да, в тот год произошел необычайный даже в наших краях поздний рецидив зимы. Весна тогда вообще запоздала, а лето неожиданно показало снег. Однако ехать все равно надо было. Утешались тем, что в июне снег долго не лежит. Не то время.

Пароходом добрались до Рябинина без всяких, конечно, приключений. Из Рябинина автобусом доехали до Чердыни и заявили в музей, не без оснований надеясь воспользоваться гостеприимством его знаменитого на весь северный край директора Ильи Алексеевича Лунегова.

Илья Алексеевич действительно принял нас с распростертыми объятиями. Не один десяток лет посвятил он трудному, кропотливому делу — по крохам, постепенно

собрал богатый краеведческий музей. Не малую долю в нем занимают археологические экспонаты, и с учеными-археологами у директора музея самые лучшие отношения.

Мы пробыли в Чердыни недолго, но этот исключительно своеобразный город запомнился на всю жизнь. Русская история Чердыни (а у нее есть многовековая история до завоевания этого края Московским государством в 1472 году) связана с развитием торговых путей с Камы на Вычегду и Печору. Издревле удобную «географическую ситуацию», иначе говоря, возможность попасть из одной речной системы в другую, использовали предприимчивые торговые люди.

Именно для нужд торговли строили Северо-Екатерининский канал. А на Печору существовал другой путь, и в начале этого пути стояла Чердынь. Местные богатеи Алины, Могильниковы и другие возвели в городе каменные хоромы. И рядом с ними — крепкие амбары. Так и стоят до сих пор — дом и амбар, дом и амбар...

Современное строительство еще не задело Чердынь. Случилось так, что этот город остается пока в стороне от столбовой дороги промышленного развития. Здесь практически нет промышленных предприятий. И, видимо, именно поэтому облик города почти не изменился, сохраняет многие черты старины, имеет неповторимое, свое лицо.

Чердынь стоит на высоком берегу Колвы, с этого обрыва вид открывается замечательный. Виден и знаменитый камень Полюд, что стоит на Вишере, возле Красновишерска. До него по прямой — добрых полсотни километров. Полюд, кстати, для чердынцев — своеобразный барометр. Хорошо его видно — к хорошей погоде. Скроют гору тучи — жди дождя...

Как только удалось договориться с шофером попут-

ной машины, которая могла доставить нас вместе со всем имуществом и лодкой в Ольховку, так и стали грузиться.

Дорога мощному ЗИЛу, на котором мы добирались до Ольховки, выпала не из легких. Но замечательная машина уверенно преодолела размытые дождями проселки и старые, уже полусгнившие гати, проложенные по болотам. Без особых происшествий добрались до берега Южной Кельтмы.

Всякое плавание, по-моему, начинается с погрузки. На сей раз нам предстояло плыть на стандартной дюралевой лодке, достаточно вместительной, да и к тому же имеющей крытый носовой отсек. Загрузили мы ее быстро и, кажется, довольно удачно. Поставили мотор и даже... завели его. Я не случайно подчеркиваю этот факт. Увы, мотор у нас был не первой молодости и доставил нам в дальнейшем немало неприятностей.

Они, помнится, начались уже на первых километрах пути. Мотор капризничал, глох, не желал заводиться. Владимир Петрович, научный работник, и Славка, студент, исполнявшие обязанности мотористов, взмокли, пока с ним возились. Мы же — трое остальных участников экспедиции — в это время нещадно мерзли и кляли на чем свет стоит технику, которая подводит.

Но, как бы там ни было, экспедиция началась.

В нашу задачу входило доплыть до Канавы и вернуться назад, по пути сделав археологическую разведку, то есть, попросту говоря, осмотреть все прибрежные места, где могли бы находиться древние поселения, заложить там пробные шурфы. Такая работа была необходима для того, чтобы в будущем начинать раскопки, если это потребуется, уже не вслепую.

Об археологах можно сказать, что они сродни геологам. И те и другие идут впереди строителей. Для архео-

логов это особенно верно в тех случаях, когда они идут впереди строителей гидростанций. Ведь выше каждой плотины разливается искусственное море, навсегда скрывая под водой старые берега. А именно на берегах селились наши далекие предки — других дорог, кроме рек, в нашем лесном краю практически не было. Поэтому в районах, подлежащих затоплению, всегда в широких масштабах ведутся археологические поиски. Не успеешь обследовать такой район — навсегда погибнут для науки данные, которые, может быть, представляют большую ценность. Значительные раскопки велись, к примеру, на тех берегах, которые затопило Камское море.

Ну, а разве берегам Южной Кельтмы, Джурича, Севе́ро-Екатери́нинского канала грозит такая участь — быть затопленными новым водохранилищем? Что ж, утвердительный ответ на этот вопрос дать нельзя, но возможность такая не исключена.

В печати уже не раз поднимался вопрос о перебросе части стока северных рек Печоры и Вычегды в Каму и дальше — в Волгу и Каспий. Осуществление такого грандиозного проекта поможет решить сразу несколько важных проблем. Во-первых, пополнятся водные ресурсы Каспийского моря, которое с каждым годом мелеет, отступает от портовых городов, создавая трудности для судоходства и вызывая сокращение рыбных запасов. Во-вторых, можно будет часть воды использовать для орошения засушливых степей, где при этом условии возможно получение богатых и устойчивых урожаев. И, наконец, в-третьих, воды Печоры и Вычегды, пройдя через турбины камских и волжских гидростанций, позволяя выработать дополнительные миллионы киловатт-часов электроэнергии.

Выгоды, таким образом, налицо. Но для осуществления грандиозного инженерного замысла есть несколько

проектов. Один из них наиболее подробно освещался в газетах и журналах. По этому проекту должно быть создано три больших водохранилища — на Печоре, на Вычегде и на Каме. Из Печорского водохранилища вода по каналу поступает в Вычегодское. Оно, в свою очередь, каналом соединится с Верхне-Камским водохранилищем, которое должна образовать плотина Верхне-Камской ГЭС выше города Соликамска. Каналы, соединяющие водохранилища, представят собой настоящие искусственные реки — широкие, глубокие, полноводные. Причем канал, соединяющий Вычегодское водохранилище с Верхне-Камским, должен пройти примерно там же, где был проложен старый Северо-Екатерининский канал.

Будет осуществлен этот проект или нет, сейчас сказать трудно. Может быть, соединение Печоры с Камой проведут другим путем (об этом я расскажу в другом месте). Но археологам ждать окончательного решения вопроса не приходится. Надо успеть сделать многое, и времени терять нельзя. Поэтому и двинулись мы с разведкой.

Три года прошло с тех пор, как впервые удалось побывать мне в этих краях. И за эти годы даже здесь, в глухомани, произошли заметные изменения. Может быть, такому впечатлению способствовало и то, что сама Южная Кельтма выглядела сейчас по-иному. Я уже говорил, что весна на этот раз была очень поздней. Ее следы были видны повсюду, особенно на реке. Черный оттенок воды уступил место желтоватому, глинистому. Река текла в берегах, но уровень ее значительно превышал летний. По воде плыли клочья пены, травинки, ветки, много всякого мусора. Никаких лилий и в помине не было. По берегам цвела мать-мачеха, местами вода,

вновь поднявшись после временного спада, затопила желтый цветочный ковер. Цветы под водой выглядели как-то неуютно.

Правда, в том, что река поднялась, было свое преимущество: перекаты исчезли. Но все же красоты, на мой взгляд, больше было тогда, когда Южная Кельтма стояла в полном летнем убранстве.

Поселок Ольховка вырос, стал оживленной. Оживленной стала и река выше его. Нет-нет, да и увидишь лодку с мотором — кто на рыбалку едет, кто по другим делам. Выше устья Лопьи встреч стало меньше, но зато на берегу мы увидели две большие палатки, рядом с ними — хорошо оборудованное место для костра, в стороне — склад горючего. Видно было, что здесь прочно и умело обосновались люди, привычные к походной жизни. Вот только самих людей не было видно.

Мы причалили к двум приткнувшимся у берега лодкам, пошли искать их хозяев. Поначалу никто не показывался, потом из кустов навстречу нам вышел невысокий человек в зеленой робе. Поздоровались, разговорились.

Оказалось, что мы попали на стан партии топографов. Они уже заканчивают здесь работы, скоро уедут. Ведут съемку местности на предполагаемой трассе канала.

Собеседник наш оказался на редкость неразговорчивым. На десять наших вопросов он давал один ответ, да и тот состоял из одной-двух фраз. Когда мы попрощались с ним и поехали дальше, Дима, студент, заявил:

— Он всю жизнь в лесу, поэтому и говорить разучился.

Тут же ввязался в разговор Славка:

— Пожил бы ты вот так-то, небось тоже перестал бы болтать по всякому поводу...

- Собственно, Славка заявил это не потому, что хотел защитить таежного молчуна. Просто их с Димой хлебом не корми — дай поспорить. Лишь бы предлог был, хоть какой-нибудь.

Я считал, что в круг моих проводниковских обязанностей входит предупреждение обо всех возможных на нашем пути опасностях. И, видимо, рассказывая о завалах, которые нас неминуемо подстерегали на Джуриче, мягко выражаясь, несколько сгустил краски. Во всяком случае, плавание по этой реке мы начали в напряженном ожидании.

Первый завал не заставил себя ждать, никуда он за три года не делся. Правда, вид у него был уже не столь грозный, как в те времена. Да и прошли мы его вполне благополучно. То же самое повторилось и со вторым завалом, и с третьим. Мне просто даже неловко стало за их былую грозную репутацию.

Ларчик в общем-то открывался просто. Вода в Джуриче, как и в Южной Кельтме, поднялась. Завалы всплыли, стали «пожиже», мелкие сучья и коряги унесло течением. Среди сравнительно немногочисленных крупных бревен лавировать было не так уж трудно. И еще одно обстоятельство облегчало в этот раз плавание по Джуричу. По всему было видно, что этой водной дорогой пользуются довольно часто. Удивило только то, что большие бревна, загораживающие речку почти от берега до берега, не распилены. Нам они очень мешали, а тем, кто плавал здесь взад-вперед, разве не создавали эти бревна дополнительных неудобств? Оказывается, нет...

Не нужно думать, однако, что плавание наше по Джуричу было легким и безоблачным. Завалы то и дело показывали нам свои коварные фокусы. Чаще всего от

них страдала так называемая шпонка. Ох, уж эта шпонка! Собственно, она-то сама ни в чем не виновата. Ее делают из мягкого металла, чаще всего из меди, и крепят ею гребной винт к валу. Когда винт ударяется о какое-нибудь препятствие, шпонка, как правило, не выдерживает и ломается. Вал начинает работать вхолостую, винт на нем в это время болтается свободно. И это предохраняет и вал, и винт от возможных поломок.

Легче, конечно, заменить шпонку, чем ставить новый винт или ремонтировать погнутый вал. Но как эти бесконечные замены нам надоели! Только наладимся плыть, минуем два-три завала, и вдруг мотор дико взрвет, его надо глушить.

— Шпонка! — хором провозглашаем мы, стараясь не расстраиваться. Но наш юмор напоминает юмор висельников. Не так много времени нужно на замену шпонки, но неизвестно, как будет мотор заводиться после вынужденной остановки. Радовал он нас, во всяком случае, далеко не всегда.

Однако, худо ли, плохо ли, все же мы двигались вперед. И в одном месте увидели на берегу две большие палатки, вкопанные около них столы и скамейки, хорошо оборудованный и приветливо дымившийся очаг. Решили пристать, познакомиться. На берегу первым нас встретил смуглый, плотный парень, с черными живыми глазами и великолепной, черной же, «шкиперской» бородой. Не вдаваясь поначалу в расспросы, он сразу же предложил нам горячего чая. Отказаться от такого приглашения после многих часов, проведенных на реке под частым дождем, было невозможно. С удовольствием разминая затекшие ноги, двинулись к столу. И тут увидели прищипленную над входом в палатку фанерку, на которой было выведено: «Пионерский отряд имени Фи-

деля Кастро». Как-то сразу стало ясно, что живут здесь неунывающие люди.

Только уселись за стол и собрались «под чай» разузнать, к кому мы попали в гости, как чернобородый выдал нам новость, для тех дней просто сногшибательную:

— Слышали, в космосе летает женщина? .

Откуда же нам было слышать, приемника-то мы не имели! /

Такую большую новость обсуждали долго. За это время и познакомились с хозяевами — они один за другим подошли с буровой, которая пряталась в лесу неподалеку от палаток. Все парни, как на подбор, молодые, плечистые, немногословные и бородатые. Этаким особый таежный шик.

Буровая у них на Джуриче — последняя. Начали работать еще зимой, но и тогда добираться до нужных точек было трудно. Тракторы буквально тонули в болотах. Бурение ведут «под проект», собирают необходимые данные для проектировщиков, работающих над проблемой соединения северных рек с Камой. База у буровиков в Канаве, откуда возят они продукты, запасные части, горючее. А в Канаву отвозят керны — с таким трудом добытые столбики пород.

Здесь мы и узнали, почему завалы не распилены. Лодки у буровиков килевые, и мотористы наловчились перескакивать через бревна, как это делал Юрка в первом походе.

Провожаемые добрыми напутствиями и послушав очередное сообщение о полете в космосе, двинулись мы дальше. Мотор завелся, как напоказ, сразу. Но заглох, не проработав и несколько минут. Возились с ним долго и по-настоящему поплыли к истокам канала уже вечером.

В сумерках белой северной ночи не сразу узнал я знакомые березки. Засомневался вначале: правда ли, скоро канал? А когда сориентировался, обрадовался очень.

Последнюю шпонку сменили на подходе к каналу...

Изменилось ли здесь, у истоков заброшенного канала, что-нибудь? Да, конечно. Вон стоят балки — фургончики для жилья, о которых нам говорили на буровой. Воды вроде нынче в канале побольше. Через несколько километров — палатка. Но самые большие изменения произошли в Канаве.

К деревне мы подъехали утром. Никто нас на сей раз не встречал, никого мы не удивили. Здесь уже успели привыкнуть к людям в зеленых робах. Да и как не привыкнуть, если этих людей, пожалуй, больше, чем коренного населения. И почтовое отделение здесь открыли и еще один магазин. Даже автомобили появились. Одним словом, стройка еще и не начиналась, а дыхание ее здесь стало ощутимей, чем в любом другом месте.

Мы не собирались задерживаться в Канаве, но нам необходимо было раздобыть горючее и продукты. Продукты купить не фокус, были бы деньги (а они были, тратить их в лесу негде). Зато проблема горючего встала во весь рост, особенно после того, как геологи начисто отказались нам помочь, сославшись на собственные нехватки. Остался один путь — к председателю колхоза, к Дмитрию Кондратьевичу.

Для переговоров с ним отрядили меня: как-никак я с ним все же раз виделся. Шел я к дому председателя в порядочном раздумье. А вдруг он не примет ссылок на «давнее знакомство» и откажет? Что мы тогда запоем?

Но все сомнения оказались напрасными. Дмитрий Кондратьевич принял приветливо, в очень свойственной северянам манере — без суеты, немногословно и доброжелательно. Горючее отпустил сразу, а в ответ на благодарности заявил:

— Вы люди дорожные, вам помогать надо.

Всего две короткие встречи были у меня с этим человеком. А впечатление он оставил большое. Высокий, жилистый, спокойный, слушает внимательно и решение принимает быстро. Причем решение такое, чтобы помочь «дорожным людям». Это в его обязанности не входит, хлопоты только доставляет. Но он с этим не считается, не тот человек.

В Канаве в этот день большая группа колхозников коллективно, «помочью», строила дом. Мы с Дмитрием Кондратьевичем проходили мимо, и надо было видеть, как люди, оторвавшись от работы, приветствовали его. Чувствовалось сразу, что его и уважают и любят...

Пока ребята ходили на склад горючего, мы закупили продукты, сварили обед. Больше в Канаве оставаться было незачем, да и время поджимало, никакая экспедиция не может длиться вечно. Пора было трогаться в обратный путь.

Начало его было трудным. Тяжело груженная лодка «не хотела» брать нас всех на борт. То есть брать-то она, конечно, брала, но вот двигаться с таким грузом по мелководному каналу отказывалась совсем. Решили так: двое поедут на лодке, трое пойдут пешком. Поскольку выехали мы после обеда, половину восемнадцатикилометровой дорожки, что вьется вдоль канала, пришлось пройти ночью, да еще под дождем. Устали мы зверски и, добравшись до балков, завалились спать, даже как следует не просушившись.

Зато Джурич проскочили сравнительно быстро —

за день. Славка и Дима, контролируя друг друга, вели счет оставшимся позади завалам. И когда к вечеру показалось устье Джурича, они дружно крикнули:

— Сто первый!

Не ручаюсь за точность этого подсчета, но то, что он во всяком случае близок к истине, за это можно и поручиться.

И опять ночевка в устье Джурича. Опять стоит палатка, дымит, угасая, небольшой костерок. Из палатки доносится могучий храп — спутники мои, пожелав мне удачи, легли спать и заснули, кажется, мгновенно. Я еще раз проверяю, все ли снаряжение на месте, и отталкиваю лодку от берега.

Заканчивался самый длинный день в году — 22 июня. И мне хотелось самую короткую ночь не спать, посидеть на реке, порыбачить. Благо, ночи в обычном понимании в это время здесь вообще нет. Она, правда, спустилась на лес, на реку, пригасила звуки, убрала за горизонт солнце. Но было светло тем рассеянным и зыбким светом, который и придает белым ночам их непередаваемое очарование.

Впервые за много дней не было дождя. Стих ветер. Только вечная путешественница — вода — чуть журчала на повороте русла. В густой ночной тишине то и дело повторялись одни и те же звуки: ду-ду, ду-ду, ду-ду... Они очень напоминали кукование кукушки, только были более низкими, трубными. Собственно, ничего удивительного в таком сходстве не было, ведь это тоже пели кукушки, только не самки, а самцы.

Впервые такое пение мне удалось услышать на Полюде. После этого попалась на глаза заметка в одном журнале, где утверждалось, что услышать пение самца

кукушки — большая редкость. Не знаю, так ли это. Во всяком случае, возле городов мне такого пения слышать не доводилось.

Но если встреча с самцом кукушки действительно редкое явление, то здесь, на Джуриче, этих редкостей были целые россыпи. Однообразные, монотонные звуки слышались буквально со всех сторон. Заповедный здесь край, видно, для кукушек. Край непуганых птиц...

Откуда-то из-за леса прямо на меня вылетела утка. Увидела опасность, тревожно закрикала, но продолжала лететь по прямой, не меняя направления. Покосился я на ружье, которым заботливо снабдили меня мои спутники, да махнул рукой. Пускай летит по своим делам...

В устье большой курьи вода стояла неподвижно, холодно поблескивая. Но под водой шла своя жизнь. Об этом довольно исправно докладывали поплавки.

Незаметно, исподволь перешла белая ночь в серый, неприветливый денек. Вроде бы и свету не прибавилось, и краски остались те же. Но исчезла чуткая, настороженная прелесть, громче стали звуки, пропало очарование необычности, уступив свое место обычному, будничному, к чему привык и что чаще всего не замечаешь...

На уху в эту ночь я наловил, чем обрадовал утром не только вечно голодных студентов, но даже, кажется, и научных работников. Правда, расправившись с ухой, мои спутники не преминули напомнить, что в нашем багаже есть сковородка, взятая по моему совету. И хором посетовали на то, что она так и остается девственно чистой...

Иногда говорят, что отсутствие доказательств — это тоже доказательство. В этом смысле наша разведка кое-что дала. На всем протяжении от Ольховки до Ка-

навы просто почти нет таких мест, где бы могли селиться наши древние предки. Они, конечно, понимали толк в выборе места для своих жилищ и никогда не селились на затопляемых поймах. А надпойменных террас на нашем пути практически не попадалось. Там же, где они были, наши пробные шурфы ничего не дали. Нет, видимо, не этим путем двигались древние охотники и рыболовы с Вычегды на Каму. А если и проходили здесь, то, наверное, не задерживались. Что ж, их вполне можно понять: на Джуриче, пожалуй, долго не проживешь.

На одной из остановок, когда меняли очередную шпонку, я попытался удалиться в лес, подступающий к этой реке. Зрелище открылось очень мрачное. Веками росли здесь деревья, умирали, падали, образуя дикий хаос сгнивших и полусгнивших бревен. Идти по такому лесу — сущее мучение. Внизу, под бревнами, видна вода, и все время кажется, что ступаешь по срубам давным-давно заброшенного колодца. Кончится — один сруб, переходишь на другой, на третий, и так — без конца.

Немногом отличаются и берега верхнего течения Южной Кельтмы, до устья Лопы включительно. И здесь вековой заболоченный лес подходит прямо к реке, оставляя лишь узкие полоски вязких, илистых отмелей. Нет, для постоянного жилья этот край и сейчас еще мало оборудован.

Примерно к таким выводам и пришли Владимир Антонович и Владимир Петрович, когда мы у костра обсуждали итоги нашей экспедиции по Южной Кельтме и Джуричу. А им можно верить, они занимаются изучением древних поселений и культур Прикамья давно и успешно.

По древнему речному пути

Любое, даже самое маленькое путешествие не обходится без различных неприятных неожиданностей. Нас подобная неожиданность поджидала уже в Рябинине, едва мы выгрузились со своим имуществом после безмятежного плавания на пароходе по Камскому морю и Вишере. В конторе сплавного рейда любезно дали справку: на лодке по Колве не пройти, путь преграждают две запони.

Количество вариантов, которые так горячо обсуждались еще дома, в Перми, сразу же сократилось до одного-единственного. Надо было доставать машину, чтобы перебросить и лодку, и прочий груз, и нас самих в район Ныроба.

Достать машину — это не всегда и не везде простое дело. Но, как выяснилось, мощные трехосные ЗИЛы, принимающие груз с барж, стоящих рядом с пристанью, пойдут как раз в Ныроб. За немногим дело: договориться, чтобы забрали и нас.

Что ж, договориться удалось. Но пункт первый неписаного джентльменского соглашения между нами и рас-

торопным агентом по снабжению, который командовал погрузкой, обязывал нас принять в этой погрузке самое активное участие. Признавая полную справедливость такого требования, стали грузить две машины буровыми трубами. Возились не очень долго, но руки отмотали порядочно.

Покча, Вильгорт, Камгорт, Искор... Одно за другим мелькают древние села, стоящие по сторонам некогда оживленного торгового пути из Чердыни на Печору. Этот путь на участке до Ныроба и сейчас не пустует. Только вместо бесконечных обозов грузовики поднимают пыль по песчаной дороге.

К самому Ныробу Колва не подходит, и мы высадились в его «предместье». Засекли время, положив на сборы час. А уже через тридцать пять минут наш подвесной мотор «Москва» обрадовал на редкость некапризным поведением: завелся с первого раза. По этому поводу моторист Славка победно заорал, к нему тут же присоединился малолетний Сашка. Мы с Петровицем поудобней устроились на переднем сиденье. Мотор работает — можно плыть...

Путь наш далек. Вверх по Колве и Вишерке, через озеро Чусовское, по Большой Березовке... Там, в районе бывшей деревеньки Васюково, Петровиц нашел в позапрошлом году стоянку древнего человека. Нашел, правда, в тех краях и другие стоянки, но нынче намеревается «раскопать» именно эту, у Васюково. Да, кроме того, — думает пошарить и в округе: не найдется ли чего-нибудь интересного.

Петровиц — археолог. Тот самый, с которым мне в позапрошлом году довелось путешествовать на Северо-

Екатерининский канал. Вот уже много лет он ищет (и, надо сказать, успешно находит) следы наших далеких предков, некогда населявших Прикамье. Где только не побывал за эти годы — и в Частинском районе, и у Гайн, и в Осе, и на Джуриче.

Вместе проходя по Южной Кельтме, Джуричу и старому Северо-Екатерининскому каналу, мы заглянули и на Тимшер. Помните, тогда на Кельтме и Джуриче, нужно было найти ответ на вопрос: не этим ли путем в стародавние времена шло заселение нашего края с Вычегды? Ответ мы нашли, но только, пожалуй, отрицательный. Почти никаких следов древних поселений. Да и места, на мой взгляд, очень уж неподходящие. Предки-то наши тоже ведь были не лыком шиты, соображали, где лучше жить.

После этого археологи отправились на озеро Чусовское и дальше на север, чтобы проверить другой вариант — не шло ли заселение по бассейну реки Березовки (на некоторых картах она названа Большой Березовкой). Из этого бассейна через небольшие волоки легко можно попасть и на Печору, и на Вычегду.

Мне не довелось тогда участвовать во второй части экспедиции, с берегов Тимшера пришлось вернуться домой. А жаль. Ведь археологи тогда вернулись очень довольные. Именно здесь разведку ждала удача. Петрович вообще в поисках бывает удачлив. И здесь полностью оправдал свою репутацию. Материал собрали такой, что было ясно: стоит вести настоящие, а не разведочные раскопки.

И вот теперь мы едем к месту этих раскопок. Большинство участников экспедиции без нас доберется до поселка Головной, что неподалеку от озера Чусовского. Оттуда к месту раскопок — за тридцать пять километров — их придется перевозить на лодке с мотором. А мы

приведем своим ходом эту самую лодку, которая вообще впредь еще очень пригодится — и за продуктами ездить, и разведочную партию доставить в разные места.

Славка, который ведет сейчас наше дюралевое суденышко, уже «опытный волк», студент пятого курса, не первый раз участвует в экспедициях. Он тоже был в походе на Кельтму и Джурич — старый знакомый. А Сашка — это, если можно так выразиться, будущий археолог. Пока он просто мальчишка, сын Петровича. Но отец его приучает к походной жизни с малых лет. Что ж, такая наука никогда и никому не вредила.

Тихий июльский вечер. Косые лучи солнца, пробиваясь через зеленый заслон леса, ложатся на коричневую воду причудливыми фигурными разводами.

Впереди — ровная водная гладь. А сзади за лодкой далеко тянутся два «уса», и долго еще прибрежные кусты недовольно качают ветвями, будто сетуют на то, что мы потревожили их покой.

Колва круто извивается в лесистых берегах. Лес то подходит к воде, то оставляет неширокие полосы песчаных пляжей, особенно на мысах. Встречающиеся кое-где голые обрывы тоже желтеют песчаными обнажениями. Песок, везде песок... А река — желтая, темная. Это питают ее болота, что раскинулись окрест на десятки и сотни верст.

Навстречу нам то по одному, то целыми стаями плывут бревна. Сотни, тысячи, десятки тысяч... Неторопливо режут гладь омутов, теснятся у отбойных бонов, заметно прибавляют ход на быстринках...

Заночевали мы в деревне Вижаихе, что стоит на крутом песчаном откосе. Собственно, старой деревни, мож-

но сказать, нет. Есть поселок лесозаготовителей, выросший на ее месте, да и тот наполовину пустой. Коренных жителей в Вижаихе, пожалуй, раз, два и обчелся. Да и в других деревнях по Колве и Вишерке та же картина. Кто работает на лесозаготовках и сплаве, тот здесь остался. Другие переселились в многочисленные поселки, возникшие в тайге то тут, то там.

Спать улеглись прямо на берегу, и пробуждение было не из приятных: шел дождь. Кое-как разожгли костер, стали готовить завтрак. И тут из ближайшего дома подошла женщина. Перво-наперво она выговорила нам за то, что не попросились ночевать в избе. Сами-то еще ладно, а вот Сашку заставлять мерзнуть и мокнуть, по ее мнению, вовсе нельзя было. Затем она увела Сашку греться и сушиться, вскипятила чай в печке, пригласила обсушиться и нас. А на прощание еще одарила ведром картошки, чтобы мы смогли варить настоящую уху. Да еще сетовала на нашу бродячую судьбу. Вот, дескать, бедолаги, куда их работа занесла.

Честное слово, теплей становится на душе от таких встреч. Гостеприимны люди-на севере, как правило, даже очень гостеприимны. Встречают радушно, заботливо, провожают с пожеланиями удач в пути. Не любят только, когда их обманывают, когда к ним относятся высокомерно. А, впрочем, где это вообще может понравиться?

За Вижаихой берега Колвы очень хороши. Постепенно они начинают набирать высоту. И вот за очередным поворотом стал виден камень Ветлан. Как и у всех прибрежных скал на уральских реках, его склоны покрыты лесом, сквозь который проглядывают каменистые обнажения. А вот у следующего камня — Бобыкинского — вершина голая, ровная, срезана, как стол.

Чуть дальше, на другом берегу — правом, высится

камень Дивий. Он очень оригинально выглядит, этот камень. Скала срезана так, что получается четкое контурное изображение гигантской подводной лодки. А когда мы поднялись уже выше камня и оглянулись, то нужна была лишь очень небольшая доля воображения, чтобы увидеть уже не подводную лодку, а океанский лайнер.

Еще выше по течению совсем недавно стоял небольшой, но очень живописный камень Синий. Стоял... Сейчас его уже нет. Какой-то бойкий хозяйственник основал здесь каменоломню. Камень уже почти совсем разрушен, пропала былая красота.

Невольно задумаешься: почему у нас следы вторжения человека в природу, особенно здесь, на севере, всегда выглядят очень неприглядно? Кладбищенским запустением веет от старых плотбищ. Хлам, гниющие бревна, и ни деревца, ни кустика... Масса полузатопленных и брошенных поэтому бревен. Мрачно высовывают топляки свои черные мокрые концы, качаясь на волне. Как правило, очень унылы и очень однообразны улицы лесных поселков. Любая деревенька, пусть совсем глухая, выглядит живописней.

Не берусь спорить. Возможно, многое из такого потребительского отношения к природе вызвано хозяйственной необходимостью и целесообразностью. Но все эти соображения никак не могут утихомирить боль в сердце, когда видишь, какие раны нанесены лесу, речкам, всей нашей северной красоте, и как бездумно порой это делается...

Вишерка, пожалуй, единственная на Западном Урале река, по которой можно проплыть на лодке от самого истока до самого устья. Ибо берет она начало не из ключей, не из болот, а из многоводного озера Чусовского и впадает в Колву.

Под вечер впереди открылись постройки большого поселка — Головного. Пристали возле эстакады, с грустью констатировали, что телевизионных антенн здесь нет, и начали настраивать «Спидолу» на московскую волну. Если не увидеть, то хоть услышать, как пойдет игра СССР — Бразилия... Когда бразильцы забили второй гол, Славку отрядили с канистрами за горячим. Благо, первый же встречный пообещал помочь достать его. Снова попал на пути хороший человек.

После того как печально прозвучал заключительный судейский свисток, мы выключили «Спидолу» и двинулись дальше.

Вечер тает исподволь, незаметно, и также незаметно надвигается вслед за ним белая ночь. Тихо кругом, по ночному тихо. И эта напряженная ночная тишина как-то не сразу вяжется с бледным, призрачным освещением. А на востоке небо уже светлеет, постепенно набирая краски яркого летнего дня.

Вот показалась на берегу большая уснувшая деревня Семь Сосен, или, как ее чаще зовут, — Семисосны. Излучина Вишерки омывает ее, и долго еще видны на зеленом берегу большие, потемневшие от времени дома.

Справа открылось устье небольшой речки Ларевки, сплошь забитое бревнами. За ним плывущий лес уже больше не попадал навстречу.

Проплыли еще несколько километров и на высоком травянистом берегу увидели палатки, костер. Это живут рыбаки, «самостийно» заготавливающие рыбу впрок. Для многих жителей Ныроба и окрестных поселков — это традиционное занятие, благо рыбы в этих краях много.

Река делает еще один-другой поворот, и мы — у

истока Вишерки. Дальше — ровная гладь Чусовского озера, второго по величине в Пермской области. До пятнадцати километров в длину, пять-шесть километров вширь — масштабы довольно солидные. Правда, для жителей Перми, привыкших к просторам водохранилища, оно, может быть, и не покажется сразу особенно внушительным. Но когда выедешь на его плес, когда глянешь на едва различимую темную полосу дальнего берега, то невольно возникает тревожное чувство радости и любопытства, что приходит всегда, когда глазу открывается широкий, вольный простор.

Озеро Чусовское сильно вытянулось с севера на юг. В самой южной его точке — исток Вишерки. А где-то там, далеко впереди, почти у самой северной точки противоположного берега находится устье Березовки.

Мы выехали на озеро где-то около часа ночи. Было светло. Не так, как днем, но все-таки светло. Славка, уже бывавший здесь в разведочной партии, быстро нашел нужный ориентир. А когда пересекли озеро, также довольно быстро мы нашли ход в устье Березовки, обозначенный затопленными кустами, — вода в тот год держалась сравнительно высокая.

Берега реки у самого ее устья плоские, заболоченные. Но вот появилась одна гривка, заросшая сосняком, другая... Еще несколько километров — и мы увидели уткнувшиеся в берег лодки, неизменные на наших реках мосточки — причал, слышали лай собаки. Добрались до места.

— Сергей Николаевич, у вас веревку можно взять?

— Сергей Николаевич, где дрова есть?

— Сергей Николаевич, дайте, пожалуйста, гвоздь...

А где колодец?

Гостеприимный хозяин и единственный житель населенного пункта Васюково рыбак и охотник Сергей Николаевич еле успевает откликаться: запросов и вопросов у каждого из двадцати членов экспедиции, обосновавшейся здесь, — хоть отбавляй. Больше того, он и рыбу на уху для всей оравы подбросит, небрежно сказав, что улов нынче неважный и тащить его на ледник просто не стоит. И баньку истопил, доставив нам громадное удовольствие, давно забытое в больших городах. И в первый же вечер показал Петровичу куски обработанного кремня, найденные на одном из верхних притоков Березовки: археологам обязательно там надо побывать.

Побывать там, конечно, надо бы, но сначала предстоит заложить раскоп. Петрович собирает всех первокурсников и младших научных сотрудников — эмэнэсов (так именуются его помощники — старшекурсники), ведет их на место стоянки, которую начали раскапывать в прошлом году.

В невысоком соснячке он подходит к ничем не примечательным, на первый взгляд, маленьким ложбинкам. Ничем не примечательными они оказываются только для неопытного глаза. На самом же деле — это остатки так называемых жилищных ям, остатки древних полуземлянок.

И, как бы в подтверждение возможностей интересных находок, одна дивчина уже тащит Петровичу прекрасно сохранившийся каменный наконечник стрелы. Прямо на поверхности нашла...

На другой день жизнь входит в колею. Ранним утром команда: «Подъем». Дежурные уже приготовили завтрак, ждут. После завтрака все отправляются на раскоп. А мы трое садимся в лодку. Нам предстоит заложить разведочный шурф на берегу озера Поздеевского, что находится в нескольких километрах ниже по

реке. В прошлом году там копнули малость, ничего особенного, правда, не нашли. Но у Петровича нюх на эти дела. Он решил разведать место капитальной.

Эдик и Дима не первый раз в экспедиции. Знают, что делать. Им можно поручить самостоятельный поиск. С Димой мы и на Кельтме побывали. Ну, а я так, в придачу...

Вдоль озера тянется небольшая сосновая гривка. Мы с Димой составляем план местности. Собственно, составляет Дима, он даже на дерево лезет, чтобы оглядеться. Я же только помогаю ему делать обмеры. Эдик в это время начинает копать шурф.

В лесу душно, на нас набрасываются целые полчища оводов. Эдик орудует лопатой, ему некогда от них отмахиваться. И на спине у него не разглядеть, какого цвета рубаха — сплошь уселись оводы.

Вот снят слой дерна, и сразу же лопата звякает о что-то... Эдик осторожно расчищает землю и достает черепок. Потом еще и еще. Мы с Димой расходимся в разных направлениях, чтобы осмотреть гривку, и вдруг слышим призывный клич: «Сюда-а!».

Когда подходим, Эдик торжествующе поднимает над головой какой-то маленький предметик, потом передает его Диме. Тот долго разглядывает находку, затем бросается к Эдику и целует его. Оказывается, нашли медное шило, а такие находки относятся к разряду особых.

А потом пошло. Обломки керамики, обломки каменных ножей и наконечников стрел... Тонкими слоями срезают ребята песчаный грунт и почти все время находят что-нибудь новое. Вот Эдик извлек порядочный продолговатый камень, повертел его. Вроде бы камень, как камень. Но Дима смотрит зорче.

— Грузило! — объявляет он. — Грузило для сети. Видите?

И действительно, теперь и мы видим, что это каменное грузило. На середине камня ясно обозначен желобок, по которому это грузило привязывали к сети.

Рядом с первым грузилом сразу же нашлось еще несколько. Видно, древний рыбак бросил тут старую сеть. А может быть, случилось с ним что-нибудь...

В верховьях Березовки природа завязала большой водораздельный узел. До самой Октябрьской революции везли товары на Печору через устье притока Березовки — Еловку. Здесь и пристань была Усть-Еловка, от которой шел тракт на Якшу. По Еловке, а потом через небольшой волок можно было попасть в речку Волосницу, приток Печоры. Недалеко от другого притока Березовки — речки Молоха — протекают также притоки Нема, который в свою очередь является притоком Вычегды.

Одним словом, на любую из трех великих рек — на Печору, на Каму, на Вычегду попасть из этих мест не так уж трудно. И не удивительно, что издревле шли по этим путям люди, шли в поисках новых земель и угодий, осваивая богатый край. Позже проходили здесь новгородцы за данью, беглые холопы, искавшие лучшей доли на новых землях, всякие предприимчивые торговые люди.

Да, этот путь, видимо, был значительно удобней, чем путь по Джуричу и Южной Кельтме. Здесь и места более приспособленные для жилья, и болот меньше, да и рыбы, пожалуй, больше. Находки археологической экспедиции Пермского университета подтверждают такую догадку. Они помогают прочесть еще одну страницу истории наших далеких предков, за много веков до нас населявших Прикамье.

Такая река — Молох

Еще в июле, перед отъездом из Васюково, Сергей Николаевич не раз приговаривал:

— Это что, здешние места. Тут, можно сказать, многолюдье. Вот приезжай осенью, на Молох съездим. Там-то есть что посмотреть. Там — красота... Там, по-моему, уже восемь лет никто не бывал.

После такого приглашения трудно усидеть дома. Тем более, что до поселка Головного из Перми добраться вовсе не трудно.

Удалось мне соблазнить одного приятеля-охотника рассказами о чудесных местах, и где-то в первых числах сентября мы тронулись в путь.

И вот — опять расстилается перед глазами ширь Чусовского озера. Лодки, на которых мы едем, соединены наподобие катамарана. Так на них здесь возят сено. На каждой лодке — мотор. У одного за рулем сидит старинный приятель Сергея Николаевича Василий Андреевич. У другого — сын Василия Андреевича Юрка.

Озеро встретило неприветливо, ветер гнал по нему крутую волну. Василий Андреевич норовил на всякий случай держаться ближе к берегу. А Юрка со свойст-

венной его возрасту лихостью хотел пересечь озеро напрямик. В результате наш катамаран стал скрипеть и распадаться, а в лодки нахлестало порядочно воды. Пришлось приставать к берегу, отливать ее.

Когда же въехали в Березовку, то даже не верилось, что позади осталось такое бурное озеро. Здесь, на реке, царила предвечерняя тишина. В темной воде тускло отражались молодые березки и осинки. И только нудный, совсем осенний дождь, временами принимавшийся рябить речную гладь, портил неяркую, но такую милую сердцу картину северной природы.

До Васюково добрались уже в сумерках. Радужный хозяин встретил нас, помог выгрузиться. Мы, конечно, с ходу завели разговор о Молохе. Сергей Николаевич сначала отмалчивался, потом прихлопнул ладонью по столу:

— Завтра, конечно, ничего не выйдет. Дня через два... Раньше не управиться, дела есть...

Что ж, два дня — не так много. За разговорами просидели всю ночь, а когда ранним утром я вышел на крыльцо, то услышал какие-то необыкновенные звуки. Ни разу таких не слыхал. Раздавались они из соснового лесочка, где летом велась раскопки.

Когда вышел Сергей Николаевич, спросил у него, что это за звуки.

— А это косачи токуют. Недалеко тут, рядом.

— Косачи? Осенью?

— Ну да. Молодые косачи. Они по молодости, бывает, путают осень с весной.

Тут невольно подумалось, что если здесь, где народу бывает сравнительно много, ток у самого дома, так что же ждет нас на Молохе? Ведь мы должны пройти еще километров восемьдесят. В самую глушь заберемся.

Пока потихоньку собирались в дорогу, мне удалось

завладеть одной очень интересной вещицей. У Сергея Николаевича жили два пенсионера из Ныроба, собирались подняться выше по Березовке — порыбачить и брусники набрать впрок. Да дожди помешали, и старички пока помогали хозяину ставить небольшой сруб. Когда же они сели у костра пообедать, вот тогда я и увидел эту вещицу. А как увидел, уже не мог от нее оторваться. Кончилось все это тем, что я самым бессовестным образом выпросил у Николая Ивановича (так звали владельца) его сокровище, которое он употреблял как солонку.

Что же это за вещица, которую я и сейчас показываю всем знакомым? Такой плетеный из бересты на манер лаптя сосуд с узеньким горлышком. Смею вас уверить — очень оригинальный северный сувенир. Николай Иванович сказал мне, что сплел эту солонку еще его отец и что ей не менее полувека. Сейчас, пожалуй, и умельца не найдешь, который сплел бы такую...

Сильно запоздали в тот год на севере с сенокосом. Дожди шли все лето, и реки, поднявшись, затопили пойменные луга. Чуть вода спадет, чуть наладится погода — и сразу же закипает на берегах Березовки работа.

Час за часом едем мы вверх по течению. Лодка нагружена, что называется, «под завязку». Четыре человека (в Васюково к нам с приятелем и Сергеем Николаевичем присоединился еще один охотник, дальний притом, из Казани), две собаки, палатка, брезент, припасы, горючее... Подвесной мотор неумолчно тянет свою песню, а на берегах нет-нет да и попадет очередной временный стан косарей — косят, мечут сено в стога, грузят его на лодки.

Как-то незаметно миновали границу нашей области и выехали на территорию Коми АССР. Границу-то, собственно, и не увидишь, она никак не обозначена. Просто полузаросшая просека, такая же, какую довелось видеть когда-то на этой же границе в районе Северо-Екатерининского канала.

Справа открывается сравнительно большой приток. Между ним и Березовкой — высокий мыс, на котором горит костерок, а люди грузят на лодки сено. Мы пристаем здесь, в устье речки Еловки, чтобы передохнуть, и очень удачно — попали прямо к обеду. От еды, правда, отказались, зато чаю, настоянного на каких-то травах, напились вволю.

После традиционного в таких случаях перекура и неторопливой беседы вновь уселись в лодку — нам плыть еще порядочно.

После устья Еловки Березовка сразу сузилась почти вдвое. Здесь, в устье ее самого большого притока, некогда была перевальная пристань. Сюда грузы везли по большой воде, а отсюда — трактом на Печору. Сейчас и следов не осталось от бойкой когда-то пристани. Только лужок на высоком берегу.

А Березовка все ведет и ведет нас на север. Берега сходятся так, что подмытые водой и упавшие деревья образуют завалы. В одном месте пришлось основательно повозиться, чтобы перетащить лодку через такой завал.

Река делает поворот вправо, а чуть левей в нее врывается приток. Это и есть Молох, к которому мы стремимся. Проплыв по нему с километр, пристаем к берегу. Здесь Сергей Николаевич прячет в кустах мотор и бачки с горючим. Дальше пойдем на веслах.

Плавание по Молоху — сущее мучение. «Червяк, а не река», — сказал Сергей Николаевич. И действительно извивается она просто умопомрачительно. То и дело приходится поворачивать почти на сто восемьдесят градусов. А это не просто: речка узкая, течение сильное, лодку норовит прибить к берегу, засунуть куда-нибудь в кусты. И на шестах не пойдешь — глубоко.

Да и не везде сразу разберешься, куда плыть: все время открываются бесчисленные курьи и заводи. Невольно возникает мысль: «Вот откуда воды в Каме много». И действительно — куда ни глянь, всюду в этих северных местах вода. Речки, ручьи, заливные озера, старицы... Необозримые болота питают это водное царство и уж, конечно, многое достается и Каме.

Берега вокруг низкие, сырые, очень часто практически непроходимые. Ближе к воде растет трава в рост человека.

Час за часом плывем мы вверх по Молоху. Сергей Николаевич и Николай Николаевич, охотник из Казани, забрав собак, пошли пешком в надежде поохотиться. Встречаться будем «у первого бора». Примета, вроде бы, не очень надежная, но этот самый «первый бор» мы находим сразу и безошибочно. Да и как не найти, если на всей реке первое такое место попало — высокий песчаный берег, а по нему — сосняк.

Охотников наших пришлось подождать. Забрели они в согру — заболоченный лес — и еле выбрались. Добычи — никакой. Николай Николаевич, мужчина плотный, солидного веса, тяжело отдувался. По пояс пришлось брести в трясине...

Уселись в лодку все, поплыли дальше. Снова повороты, завалы, курьи, затоны... Но как-то незаметно река стала расширяться, течение замедлилось, и за очередным поворотом открылась глазу широкая водная гладь.

Тихая, темная вода, заросли лилий и кувшинок — типичное озеро. Да, это именно озеро, так его здесь и называют. Вернее, называют Первым озером, потому что выше по течению Молох образует еще два таких проточных водоема. До Третьего мы не доехали, на Втором жили. Но красивей Первого озера, пожалуй, нет на этой реке.

Левый берег здесь песчаный, зарос сосновым бором. В этом бору и заночевали. А на другой день поднялись еще на несколько километров и разбили стан на Втором озере.

На левом берегу Второго озера — оно, кстати, уже Первого и течение в нем заметней — тоже растет сосновый бор. Бор-беломошник, в котором очень мало подраста и часто встречаются поляны. Чистый, редко растущий лес с прогалинами, заросшими оленьим мхом — ягелем, создает иллюзию ухоженного парка. Тем более, что, когда вылезли на берег, сразу обнаружили хорошо протоптанную дорожку.

Правда, дорожку, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, проложили не люди, а топтыгин. И следы у него такие, что сапог сорок четвертого размера их не может закрыть...

Так, прямо на медвежьей тропе, и поселились. Хозяин здешних мест, возможно, был недоволен таким вторжением, но лично сообщить об этом, видимо, постеснялся. Во всяком случае, мы его так и не видели. Не встретился и другой здешний житель — лось. А следов его пребывания вокруг — хоть отбавляй.

Зато увидели мы здесь многое другое. Метровых щук и отличных окуней. Полупудовых глухарей и напевно посвистывающих рябчиков. Батальоны грибов-боровиков и сплошные брусничные ковры. А главное — увидели северную природу в ее нетронутом, первозданном виде.

Люди не бывают здесь годами. И стоит вековой лес, стоит, как тысячи лет назад. Одни деревья сохнут на корню, потом падают, гниют, затянутые мхами. Другие тянутся кверху, сменяя упавших.

Он очень красив и кажется приветливым, этот лес. Но он не прощает ошибок. В этом я вскоре убедился, заблудившись сразу же, как только налегке отправился полакомиться брусникой.

И тем более удивляет изумительная способность ориентироваться у таежного охотника Сергея Николаевича. Был, к примеру, такой случай. Однажды, идя по лесу, он выбросил коробку из-под папирос. А на другой день пообещал вывести одного из нас на то же самое место. И хоть находилось оно за много километров — вывел точнехонько!

Вообще, действиями Сергея Николаевича в лесу и на реке нельзя не любоваться. Всякое дело у него в руках горит, и обосноваться он умеет толково, сноровисто. Удобно.

Неделя пролетела незаметно. Прощайте, нескончаемые беседы у костра, прощай, река Молох! Узнать бы, кстати, откуда у тебя такое экзотическое название? Ведь именно так звучит имя устрашающего восточного божества. Откуда же у него здесь, в тайге, появился тезка?.. Не с тех ли далеких времен, когда люди шли в Прикамье с Вычегды через Нем, через его притоки, а потом волоком на Молох. Дальше дорога открывалась до самого Каспия. Мы не дошли до этого волока, но были сравнительно недалеко от него. Сергей Николаевич рассказывал, что его и сейчас можно найти — просека сохранилась.

Даже бесконечные дожди не могли испортить нам

настроения. Уж больно хороши эти северные края, особенно когда начали они рядиться в яркие осенние наряды. В одном месте увидели мы на берегу три сестрички-осинки, листва которых уже вспыхнула темно-красным пламенем. До того они были красивы — вовек не забыть.

Обратный путь начали двумя эшелонами. Два охотника ушли вперед, к тому месту, где был запрятан мотор. Мы с Николаем Николаевичем поплыли на лодке, осматривая и снимая по пути жерлицы, наставленные Сергеем Николаевичем. Ставит он их очень искусно, и, несмотря на непогоду, мы сумели взять очень неплохой по городским масштабам улов. А что может быть приятней того рыбацкого азарта, когда еще издали замечаешь размотанную жерлицу! Шуки, между прочим, попадают на Молохе и такие, что их не сразу в лодку затащишь. Приходится быстро и точно бить ее по голове кормовым веслом.

Мы не очень спешили, но все же добрались до места встречи раньше охотников. Вниз-то по течению плыть легче, чем идти пешком. Правда, и товарищи наши не заставили себя долго ждать. Тем более, что явились опять-таки налегке. Не удавались у них такие «ходовые» охоты. Зато, когда жили лагерем, глухарей они набили, на мой взгляд, достаточно. (Сами-то охотники ворчали: «Маловато!»).

С мотором дело пошло веселей. Вскоре мы уже спустились по Березовке. Когда миновали устье Еловки, навстречу нам попала лодка. «Печорская» — сразу же определил Сергей Николаевич. А я обнаружил в лодке знакомого. Да, да, знакомого из Перми. Бывает же так. Только вот на все наши приветственные крики он никак не среагировал. Видно было, что он понял: окликают именно его. И тем не менее лодка, не останавливаясь,

пошла дальше. Мы долго недоумевали, что именно заставило его поступить так, а потом рукой махнули. Да и позже, в Перми, что-то не появилось желания выпрашивать...

За неделю на берегах Березовки успели управиться с вывозкой сена. Опустели берега, стали неприветливыми. Мы дружно мерзли на свежем ветру, и очень обрадовались, когда Сергей Николаевич решил сделать короткую остановку в походном лагере буровиков, чтобы согреться.

Знакомая картина: большая палатка, ящики с кернами, костер, столик около него. Только вот одна деталь сразу обращала на себя внимание — в сторонке от палатки сушилась большая растянутая медвежья шкура. Пошел буровик на охоту и повстречал мишку... Здесь это бывает. Не каждый день, конечно, но все-таки бывает.

Буровики на берегах Березовки, так же, как и на Джуриче, ведут разведочное бурение. Дело в том, что есть еще один вариант переброса воды северных рек в Каму. На этот раз речь идет о том, чтобы миновать Вычегду, а соединить лишь бассейны Печоры и Камы, сделав на Печоре водохранилище, прорыв канал и используя Березовку, Чусовское озеро, Вишерку, Колву.

Какой проект лучше — решать инженерам и экономистам. А геологи собирают необходимые материалы, ведут разведку. И не одни геологи. Случалось видеть в здешних краях и топографов, и гидрологов, а с археологами довелось вместе путешествовать. Одним словом, оживают северные края. Оживают и ожидают начала больших работ.

А пока здесь — глушь и красота. Красота, никем не тронутая и мало кем виденная.

Да, сложный речной узел завязала природа на стыке бассейнов Камы, Печоры и Вычегды. Издревле человек стремился затянуть его покрепче — прокладывал волоки и каналы, чтобы стал речной узел и морским, чтобы можно было плыть с берегов одного моря к берегам другого здесь, по внутренним водным путям.

Иные идут времена. Еще крепче завяжут когда-нибудь этот узел, сделают его по-настоящему морским. Проще тогда будет путешествие по его рекам и речкам. Но, может быть, не таким заманчивым?

И немного обидно становится, что еще не освоено этот край туристами, не встречаются они на древних речных дорогах. Куда ведь только не едут. Иной раз за тридевять земель. А чудесные места, где, возможно, развернется небывалая даже по нашим масштабам стройка, до сих пор внимания не привлекают. А жаль. Есть тут что посмотреть, есть чем полюбоваться, есть что узнать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

По зову музы дальних странствий	5
Редкостный водораздел	13
По старому каналу	24
Путь на Вычегду	30
Еще раз Джурич	38
По древнему речному пути	53
Такая река — Молох	64

Александр Моисеевич
ГРАЕВСКИЙ

Морской узел

Пермское книжное издательство

Библиотека путешествий и приключений

Вышли из печати:

Выпуск 1. А. Домнин. Дикарь. Цена 6 коп.

Выпуск 2. М. Заплатин. На гору каменных идолов. Цена 12 коп.

Выпуск 3. Н. Чернышев. Западня. Цена 8 коп.

Выпуск 4. А. Ромашов. Лесные всадники. Цена 11 коп.

Выпуск 5. Ю. Вылежнев. На лосях. Цена 13 коп.

Выпуск 6. А. Белоусов. Камень нерушимый. Цена 9 коп.

Выпуск 7. А. Соколов. Пламя над тайгой. Цена 6 коп.

Выпуск 8. А. Крашенинников. В лабиринтах страны Карст. Цена 6 коп.

Выпуск 9. Н. Чернышев. Находка беглого рудокопа. Цена 6 коп.

Выпуск 10. А. Граевский. На север! Цена 8 коп.

Выпуск 11. А. Ромашов. Золотой исток. Цена 10 коп.

Выпуск 12. В. Волосков. На перепутье. Цена 7 коп.

Выпуск 13. В. Занадворов. Медная гора. Цена 14 коп.

Выпуск 14. М. Заплатин. Вдоль Каменного пояса. Цена 17 коп.

Выпуск 15. Ю. Курочкин. Легенда о Золотой Бабе. Цена 29 коп.

Выпуск 16. А. Ромашов. Земля для всех. Цена 11 коп.

Выпуск 17. О. Селянкин. «Ваня Коммунист». Цена 11 коп.

Выпуск 18. Л. Фомин. Лесная повесть. Цена 8 коп.

Выпуск 19. А. Домнин. Поход на Югру. Цена 6 коп.

Выпуск 20. В. Матвеев. Золотой поезд. Цена 25 коп.

Выпуск 21. В. Волосков. Операция продолжается. Цена на 33 коп.

Выпуск 22. Д. Мамин-Сибиряк. Бойцы. Цена 32 коп.

Выпуск 23. Г. Бабаков. Тигр наступает. Цена 23 коп.

Выпуск 24. Г. Солодников. Ледовый рейс. Цена 23 коп.

Выпуск 25. В. Оборин. Немые свидетели. Цена 22 коп.

Выпуск 26. М. Зуев-Ордынец. Хлопушин поиск. Цена 32 коп.

Выходят из печати:

Выпуск 28. Л. Фомин. Мы идем на Кваркуш.

Выпуск 29. В. Соснин. Охота без выстрела.

Редактор *Т. И. Вершинин.*
Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический
редактор *Л. К. Крамаренко.*
Корректор *Е. П. Божанова.*

Подписано к печати 1/XII-1966 г.

Формат бум. № 2 70×108¹/₃₂. Бум. л. 1,4375; печ. л. 2,875;
(усл.-прив. 3,99) уч.-изд. 2,97 л. + 0,3905 вклейки.

ЛБ02399.

Тираж 25 000.

Цена 25 коп.

Типография № 2 управления по печати
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1873.

По Каме

Разбор завала

Место, откуда воды таежного Джурича расходятся в две морские системы —
Белого моря (слева) и Каспийского

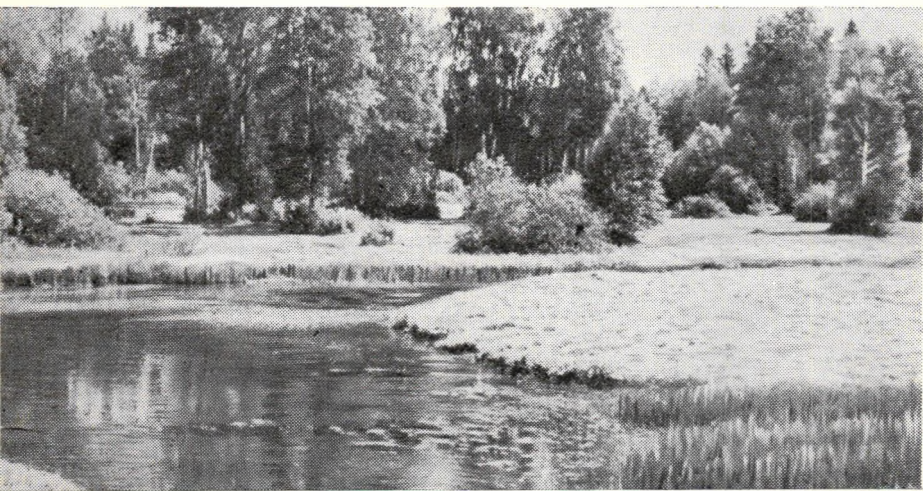

У входа в Сесеро-Екатерининский канал

Место встречи Северной Кельтмы (вверху) и Северо-Екатерининского канала

На Северной Кельтме

Один из кана-
винских ста-
рожилов

Для северного жителя
пестерь незаменим

Затор на Вишерке

Камењ Дивљи на Колве

Древняя церковка на берегу Вычегды

В путь на
Ольховку

Канал у деревни Канава

Бык — вместо лошади, сани — вместо телеги. На севере порой
без такого транспорта не обойтись

Встреча с косцами на берегу канала

По каналу